

Сергей Сизарев

ПРЕТЕНДЕНТЫ

Сергей Сизарев

Претенденты

«Снежный Ком»

2020

Сизарев С. В.

Претенденты / С. В. Сизарев — «Снежный Ком», 2020

ISBN 978-5-6043755-9-4

Будущее может быть разным: высокотехнологичным, хорошо вооруженным, умело выбирающим оптимальные варианты, но при этом... нечеловеческим. А может быть человеческим, но несколько более корявым и не без труда выбирающимся из передряг. Автор романа столкнул два этих будущих. Идут бои, обе стороны несут тяжелые потери, но у людей, кажется, появилась надежда... Или нет?

ISBN 978-5-6043755-9-4

© Сизарев С. В., 2020
© Снежный Ком, 2020

Сергей Сизарев

Претенденты

Историко-приключенческий роман «Имперский кандидат» печатается в старой орфографии, по хеленмарскому изданию 2199 года, в сокращённом виде, с редакторскими комментариями, на средства НКО «Границы нараспашку» (входит в список общественных организаций с иностранным финансированием), минимальным тиражом, с ведома и дозволения восьмого охранного отделения по делам свободы печати.

Предисловие от редактора:

Данный роман написан в конце 22 века, когда авторы могли себе позволить много писать, а читатели – много читать. Сейчас, век спустя, ситуация отличается в лучшую сторону, посему в данном издании роман подвергнут серьёзным сокращениям. Некоторые главы приведены в кратком редакторском пересказе. Пытливый читатель может самостоятельно разыскать полную версию произведения, однако настоятельно рекомендуем получить на это благословение духовника, ибо чтение сие может оказаться не душеспасительным и не душеполезным.

Кандидат № 20:

Место, куда их привезли, воняло хлевом. Неудивительно, ведь хозяева были свиньями. Купол-временку двадцати метров в диаметре делила пополам пластиковая перегородка. Дядюшку Римуса оставили в первой секции – рядом со шлюзом, а Илью отволокли во вторую – вожак решил разобраться с ним лично. Стариком занялись подручные – сквозь стену доносились его крики и их злобное похрюкивание. Из всех зверолодей свиноморфы были самыми жестокими. Такими их создали драконы.

Илья не понимал, что произошло. Он и дядюшка были на перегоне между Седной и Плутоном, ждали окно полётов. Воспитатель вентилировал тему «подработать», пока не подвернётся подходящий транспорт, и вдруг – бац! – банда свиноморфов, инъекция сонного в шею, сутки в забытии при чудовищных перегрузках, какой-то планетоид, сборный купол в кратере. И, похоже, сейчас их будут убивать.

Главарь похитителей – здоровенный свин двухметрового роста – грубо стащил с подростка скафандр – латаный-перелатаный. Дядюшка купил его на благотворительной распродаже. Мальчик остался в одном исподнем, пронизанном трубками охлаждения. Свиноморф деловито связал Илью и вздёрнул к потолку, растянув в струну верёвками. Получилась импровизированная дыба.

Подросток только начал приходить в себя. Свиньи держали его на сонном весь полёт – так базовые люди легче переносят перегрузки, да и возни с ними меньше. Глаза закрывались сами, так что приходилось делать усилие, чтобы смотреть. Верёвки резали запястья и щиколотки.

В помещении был большой стол, заваленный компьютерным оборудованием и оружием. Покопавшись в хламе, свин нашёл скатку и, смахнув на пол лишнее, развернул. Илья еле сдержал стон – это были пыточные инструменты. Судя по виду, их никогда не мыли.

Пока зверочеловек выбирал, с чего начать, в дверь деликатно постучали. Один из трёх подручных, оставшихся с дядюшкой Римусом, приоткрыл дверь, чтобы просунуть харю. На ней атели капли крови.

– Чего тебе? – буркнул главный хряк.

– Шеф, похоже, мы лоханулись и взяли не тех, – робко начал помощник. – Это какие-то бомжи. Базовый мусор с планетоидов. Кому такие могли перейти дорогу?

– Завали пятак, – рявкнул главарь. – Старик заговорил?

– Не затыкается. Права качает. Будто бы за него впишутся серьёзные рыла. Обещает, если добром отпустим, – озолотимся.

– Старики жесткие, – задумчиво заметил вожак. – Только печень есть и можно. Кончайте его и на вертел.

– А бомжонки? – свин в дверях кивнул на подростка.

– Я недолго, – пообещал главарь.

Подручный понимающе хрюкнул и закрыл дверь.

Развернувшись к Илье, свиноморф заметил, что тот очнулся и, похоже, слышал разговор. Главарь лениво ударил мальчика по голове – тот закачался на растяжках. Сознание покинуло его. Свину пришлось придержать безвольное тело, чтобы оно перестало мотаться.

Когда Илья снова открыл глаза, главарь склонил свою харю – гротескный симбиоз человеческих и свиных черт – к окровавленному лицу мальчика, чтобы сказать доверительно:

– Ты пойми, в душе я гуманист. Я люблю людей... Особенно кушать.

– Не убивайте. Я пригожусь, – прохрипел в ответ подросток. Мучитель приподнял бровь, что означало «продолжай».

Илья собрал силы в кулак. Его воспитателя прямо сейчас убьют... если уже не убили. Теперь решалась судьба самого мальчика. И второго шанса не будет.

– Я много чего умею. Быстро печатаю. Хорошо готовлю, особенно мясо. Работал костоправом в салоне для постлюдей. У вашего вида с возрастом есть проблемы со спиной. Я умею вправлять позвонки и суставы, делать расслабляющий массаж... Ещё я расторопный – на поручениях как молния, буду перетирать за вас со всякой шушерой из базовых и постов, шарю по понятиям, могу разводить лохов на деньги. Из серьёзного – ремонт любого снаряжения, чиню скафандры, системы жизнеобеспечения, вожу летающий транспорт. Поверьте, остальные боссы обзавидуются. Такой мальчик на побегушках в космосе не валяется. Ещё я стойкий к побоям – вам понравится... – Илья выпалил всё это скороговоркой, не сводя взгляда со свиноморфа.

Тот растянул губы в плотоядной ухмылке:

– Старика своего приготовишь?

– В самом лучшем виде, – не дрогнув, пообещал подросток.

– Значит, спину вправить можешь? Заманчиво... – вожак разогнулся, похрустел шеей, и вдруг спросил: – А чего за старика не просишь?

– Не сработает, – мрачно отозвался пленник.

Хряк покачал головой:

– Ты не дурак. Даже не знаю – презирать тебя или восхищаться... Я тебя попридержу пока. Может, и правда, не тех взяли...

– Я всё отработаю. Стану отличным капиталовложением.

– Будем посмотреть, – сказал свин и наотмашь хлестнул Илью по лицу: – Много болтаешь.

В дверь снова постучали, в этот раз настойчиво. Не дожидаясь разрешения, внутрь просунулся тот же свин, что и раньше, и прикрыл за собой дверь:

– Шеф, что-то странное на периметре. Сработали сейсмодатчики.

– Что? Мы же не привели за собой хвост... – начал главарь, но замолк, услышав звук сработавшего шлюза. В то же мгновение прогрехотали два выстрела. Это было как залп старинных пушек, затем повисла тишина. Свиноморфы в помещении застыли, поводя большими ушами. Помощник достал пистолет и осторожно потянул лапищу к двери, но – БАМ! – дверь разлетелась на куски. Голову свина снесло начисто – кровавые ошметки облепили стенку купола. Из многочисленных отверстий, шипя, полез герметик – он застывал, заделывая пробоины. Похоже, нападавшие действительно использовали старинную пушку – сквозь дыру в двери вытекала вонючая пороховая завеса.

Главарь метнулся к столу и, укрывшись за ним, замер в ожидании, держа дверной проём под прицелом лазерного карабина. Оттуда послышался мерзкий смех, в котором звучало неприкрытое безумие.

Свин выпустил в перегородку очередь импульсов, прошивших её наискосок. Тут же из дверного проёма вынырнула чёрная фигура. Запрыгнув на стенку купола, она побежала по кругу, пользуясь преимуществами низкой гравитации. Илья, подвешенный в центре помещения, успел разглядеть в руках гостя здоровенную пороховую двустволку.

Вслед за фигурой вспыхивали попадания лазера – главарь свиноморфов обладал отличной реакцией, но фигура увернулась и выстрелила в ответ. Сноп картечи снёс хряку башку. Тот упал на четвереньки и побежал. Обезглавленное тело пронеслось мимо мальчика и, врезавшись в стену купола, развернулось, чтобы снова взять разбег. В этот раз оно врезалось в стол и поволокло его по комнате, чем и воспользовался нападавший. Прыгнув за спину хряку, фигура приставила стволы к затылку обезглавленного главаря и спустила курки. Круп свина взорвался кровавым фонтаном. Подёргавшись, тело застыло.

В помещении висела пороховая гарь, оседало облако кровавых капель. Посреди полного разгрома стояла высокая молодая женщина с огромным ружьём, из стволов которого вытекал дым. Чуть погодя гостя бросила оружие на пол, скинув следом патронташ.

Илья, ставший свидетелем скоротечного и жестокого боя, во все глаза смотрел на свою спасительницу. Надежда вспыхнула в его сердце. Что, если дядюшка Римус ещё жив? Что, если их внезапным злоключениям конец, ведь у женщины была человеческая внешность, а не гибридная, как у большинства постлюдей.

Скафандра на госте не было. Только облегающий комбинезон из полимерных чешуек, оставлявший голову открытой. Смоляные волосы волнами струились по плечам. Кожа незнакомки была молочно-белой. Женщина стояла боком, и её профиль был прекрасен: пышные ресницы, тонкий острый нос и маленькие бледные губы. На бедре она носила кварк-глюонный бластер.

Илья понял: доверь ему выбор, кому вызволять его из плена, о лучшем варианте он и мечтать не мог.

Похоже, он задерживал дыхание всё это время, и только теперь вдохнул, тут же закашлявшись от дыма. Незнакомка отреагировала молниеносно. С места прыгнув к мальчику, она выхватила нож и застыла рядом – лицом к лицу, приставив клинок к его горлу.

Их глаза встретились, и Илья с ужасом осознал, что ему конец. Её глаза не были человеческими. Они сияли как звёзды – радужка была покрыта сусальным золотом и инкрустирована бриллиантами, а зрачок имел вертикальный разрез, как у рептилии.

Такие глаза были признаком знатного происхождения. Хеленмарская элита. Самый радикальный сорт постгуманистов. Смертельный враг базовых людей – драконы пустоты. Гениальные психопаты, изжившие из себя всё человеческое ради благ постгуманизма – сверхострых чувств, сверхбыстрых рефлексов, бессмертия и вечной молодости. Не знающие жалости ни к базовым людям, ни к собственным слугам-уродцам, вроде тех же свиноморфов, ни даже к самим себе...

И вот одна из таких драконов сейчас стояла напротив. Если свиноморфов можно было заболтать, то...

Увидев, что мальчик привязан, женщина проверила узлы и растяжки. Оскалилась.

– Повиси пока, – проворковала она и вернулась к трупу главаря.

Легко подняв, закинула его на стол. Гравитация была низкой, но инерция никуда не делась, тем не менее, дракон двигала труп так, словно он ничего не весил. Женщина воспользовалась ножом, чтобы сноровисто вскрыть поясничный отдел свиноморфа. Вырезав кусок мяса, убрала в пищевой контейнер.

– Люблю этих поросят, – сказала она, заметив внимание мальчика. – Скрестить свинью и базового человека оказалось отличной идеей. Выносливей вас в разы. Жрут всё подряд, даже друг друга. Отлично выживают в загазованных пещерах планетоидов. Только и нужно немного кислорода да обогреватель... У особей, которые выбиваются в командиры, мясо нежнее. Меньше двигаются, лучше питаются. У них в спине настоящее сокровище – группа мышц, которые расслаблены почти всю жизнь. Стейк получается нежнейший.

Делясь кулинарными пристрастиями, женщина блаженно закатила глаза.

– Так, теперь тобой займёмся, – она перешла к Илье и, обойдя, деловито прощупала спину.

– Я всю жизнь тяжело тружусь, – пролепетал подросток. – Спины не разгибаю.

– Да ладно, – послышалось недоверчивое.

– Два года на Седне рубил метановый лёд плазменным кайлом. Стоял у станка. Грузил шаттлы на Орке...

Тут женщина прижалась ухом ему между лопаток.

– Вещай дальше, – велела она.

Илья облизал пересохшие губы. Страх сменился необычным томлением. Аромат постгуманитки – манящий и пряный – дурманил мысли. Это их драконьи штучки – феромонами они могли подчинять других.

– Я очень полезный, – сказал Илья, выстраивая подходящую легенду. – Обучен прислуживать знати. Говорю на высоком хеленмарском. Могу петь и танцевать, развлекать благородную публику трюками. Могу быть приказчиком для звероловцев, отлично управляюсь с лимузинами. Знаю бухгалтерию, техническое обслуживание дворцов и яхт.

– Хрипов нет, лёгкие здоровые, – ответила женщина, затем ощупала ему грудь и живот.

– Внутренние органы на месте, – деловито заметила она, и Илья похолодел – похоже, она считала его источником органов на продажу.

– По отдельности я недорого уйду. Гораздо больше можно выручить, если продать меня как гладиатора на подпольные бои или в бордель.

– Хозяйство целое? – тут же заинтересовалась дракон.

Илья замешкался. Хозяйство было на месте, даже более того, – драконьи феромоны сработали. В свои двенадцать подросток был хорошо развит.

– Я могу сама пощупать, но тебе не понравится.

– Там всё в порядке, – буркнул мальчик.

– Джек-пот, – хохотнула женщина.

Щёлкнул складной нож. Илья вздрогнул, ожидая удара в спину, но ему лишь разрезали путы.

– Пойдём, у меня тут корабль, – скомандовала дракон, направившись к остаткам двери.

– Ружьё не возьмёте?

– Зачем? Новое напечатаю, калибром поменьше – всё плечо отбила, – капризно скривилась женщина. Когда они оказались в другой половине купола, мальчик обошёл помещение в поисках воспитателя. Дядюшка Римус лежал на полу, рядом со своими мучителями. Они его потрошили, когда смерть настигла их самих.

Сейчас, в ярком свете потолочной панели, мёртвый воспитатель казался маленьким и старым. Илья захрипел, давя рыдания. За спиной выросла дракон.

– Две минуты на прощание, – сказала она.

– Я быстро, – с благодарностью кивнул Илья и склонился к дядюшке. Прикрыл ему глаза, снял с груди образок – убийцы не позарились на пластиковую вещицу – и надел сам.

– Покойся с Богом, – прошептал Илья.

Дракон кинула ему его скафандр:

– Одевайся.

Он подчинился. Затем она играючи закинула его себе на плечо и вышла через шлюз в безвоздушное пространство. Дракон была без скафандра, но не зря таких называли драконами пустоты – она была приспособлена к вакууму на уровне генов. Женщина побежала, а висевший на плече Илья разглядывал кварк-глюонник на её бедре. Его руки болтались в соблазнительной близости от рукояти, но он понимал – дракон не дура так подставляться. Наверняка, у оружия мысленное управление.

Она пронесла его несколько километров. Её корабль был похож на гигантского комара. Корпус состоял из жилого и двигательного отсеков, разнесённых двухсотметровой сварной конструкцией – всё, чтобы обезопасить экипаж от соседства с двигателем, вольно обращающимся с пространством и временем.

Корпус стоял на восьми коленчатых ногах. «Комар» склонил жало к поверхности – по этой трубе они поднялись в тесный жилой отсек с единственным противоперегрузочным креслом. Дракон тут же пристегнула к нему Илью.

– У свиней хороший корабль. Вы могли бы его продать, – сказал подросток.

– Это у меня хороший корабль, – отозвалась женщина. – А их корыто я взорву вместе с куполом, как только взлетим.

– Раз вас не интересует добыча, значит, это была месть, – предположил Илья.

– Чего?

– Вы убили свиней из мести.

– В первый раз их встретила. И что-то мне подсказывает, что в последний.

– Тогда я не понимаю.

Дракон склонилась к нему, подключая шланги системы жизнеобеспечения к скафандру.

– Ты ошибся, решив, что меня не интересует добыча, – сказала она, смотря ему в глаза. – Я здесь только ради добычи... А теперь – приятных снов. Пускаю сонное.

Засыпая, он почувствовал, как навалилась страшная тяжесть. Час проходил за часом. Однажды, когда ненадолго наступила невесомость, Илья смог поднять голову и осмотреться – в задней части кабины были навалены мешки, на них лежала дракон. Её лицо было искажено гримасой долгого страдания. Кресло было только одно, и она отдала его пленнику. Заметив его взгляд, женщина отвернулась. А потом снова пришла перегрузка, и Илья провалился в сон...

Кандидат № 1:

Графен крался по тёмному коридору базы – пулемёт у плеча, «куда взгляд – туда и ствол». Прошло минут пять, как он расстался со своим звеном. Будь он кем-то другим, это решение сочли бы глупым, но он был Александром Графеном, так что товарищи сочли это очередным проявлением его легендарного героизма. Звено из трёх человек двинулось по одной развилке, Графен – по другой.

Базе было почти семьдесят лет – она относилась ко второй волне марсианской колонизации, когда государства-первопроходцы, опьянённые успехом первой волны «невозвращенцев», решили, что пришла пора для капитального строительства, с полным заглублением в почву. Активное применение автономных строительных роботов позволило создать в марсианском кремнезёме разветвлённую сеть туннелей и пещер, ставших – по завершении облицовочных работ – научно-промышленным поселением «Либерти Уан».

Установленный в центре ядерный реактор отапливал базу – по тоннелям тянулись трубы второго контура, поддерживавшие комфортную температуру. Поселению прочили светлое будущее, пока не случилась Первая хеленмарская война. Молодое постгуманистическое государство заявило о себе на геополитическом пространстве Солнечной системы, начав с атаки на Российскую Федерацию и союзные ей страны. Как и всё американское имущество, база

«Либерти Уан» отошла Хеленмару, как самопровозглашённому государству-правопреемнику США. В следующие несколько месяцев, когда стороны обменивались термоядерными ударами, стало понятно, что о капитальном строительстве на Марсе придётся забыть – в условиях непрекращающейся гибридной войны постоянные здания было легко уничтожить, а их возведение обходилось слишком дорого. На смену подобным базам, по большей части погибшим в первые же часы конфликта, пришли временные колонии из быстровозводимых куполов, которые можно было перевозить с места на место, а в случае уничтожения – легко восполнить.

Что касается этой базы, то ей повезло – после хеленмарского демарша, когда на захваченных территориях взбунтовалось базовое человеческое население и Хеленмару пришлось переключиться с внешней экспансии на решение внутренних проблем, регион Кидония был уступлен Российской Федерации вместе с «Либерти Уан». Согласно мирному договору, поселение было признано объектом исторического наследия – символом второй волны колонизации. Население эвакуировали, оборудование вывезли, а саму площадку законсервировали – реактор перевели на минимальную мощность, температура в тоннелях упала до пяти градусов по Цельсию.

Пару раз за прошедшие пятьдесят лет базу посещали, чтобы загрузить в реактор топливо, починить протёкшие трубы и долить теплоноситель... Но три месяца назад спутники показали, как прогрелся слой кремнезёма над базой. Реактор вновь вышел на полную мощность, а температура в тоннелях поднялась до тридцати пяти градусов. Из трещин в грунте вырывался богатый кислородом пар. Кто-то снова сделал «Либерти Уан» пригодной для проживания.

На фоне возраставшей русско-хеленмарской напряжённости, с постоянными провокациями со стороны драконов, это уже не казалось удивительным – сейчас, когда всё, похоже, шло к Третьей хеленмарской, расконсервация старой базы, к тому же на чужой территории... Напоминало типичный драконовский ход.

Нужно было как-то реагировать, но уничтожение базы термоядерным ударом с орбиты не выглядело хорошим решением – всё-таки «Либерти Уан» числилась объектом всемирного наследия ЮНЕСКО. Было принято решение осуществить зачистку базы малыми силами. Решение принимали в узком кругу – только военные и силовики, не ставя в известность президента РФ и её либеральную клику – при текущей политике замирения с постлюдьми наверху никто не санкционировал бы столь решительных действий. Всё бы ограничилось очередной нотой протеста.

Так Графен и оказался в служебной командировке. Сердце его ликовало. Штабная работа для него, боевого офицера, была хуже всего – тоска смертная. А тут – дали пулемёт и крутись, как хочешь. Штурмовая группа – пятьдесят человек – разбилась на группки по три-четыре человека и через разные шлюзы синхронно проникла на территорию базы, не встретив никакого сопротивления. Это уже было странным. Командование предполагало, что трудности начнутся ещё на стадии десантирования, когда шесть челноков ухнули с высокой орбиты прямо вниз, на Кидонское плоскогорье, отстреливая ложные цели и совершая превентивные маневры уклонения – на случай, если противник откроет заградительный огонь с поверхности. Но враг бездействовал. ПВО молчала, если, конечно, вообще была.

Челноки жёстко сели, врубив в последний момент тормозные двигатели, и уже через полчаса отряды входили в шлюзы «Либерти Уан». Согласно плану операции, каждое звено должно было зачистить и удерживать свою часть базы. Графен взялся проверить бывший командный пункт поселения. Осторожно продвигаясь к своей цели по коридорам, едва освещённым аварийными лампами, он быстро понял, что шлем штурмового скафандра ему только мешает: снижает угол обзора и главное – в нём хуже слышно, несмотря на активные микрофоны. Графен знал, что воздухом базы можно дышать – они проверили его состав, как только вошли. Инструкция запрещала снимать шлем в бою, потому что ранения головы обычно смертельны, но Графен не собирался получать ранения головы – в особенности по вине шлема, ограничи-

вавшего его органы чувств. Отстегнув шлем, он повесил его за спину. Так-то лучше! Теперь он слышал всё – собственные шаги на каменном полу, свист пара, вырывавшегося из прохудившихся труб, шелест вентиляции и мерные удары капель, срывающихся с полотка. С помощью тактического прожектора, укрепленного под стволом пулемёта, он освещал встречавшиеся ему развилки и комнаты, вырубленные в камне. Когда хеленмарцы съезжали отсюда полвека назад, они забрали с собой практически всё – ободрали утеплитель со стен, смотали проводку, даже двери вывезли. Сейчас это было только на руку – если нет дверей и мебели, труднее устроить засаду. Те, кто разморозили базу, должны были привезти всё оборудование с собой, так что Графен сразу заметит современные вещи.

Первые следы вражеского присутствия она нашёл в комнате, примыкавшей к радиальному коридору, ведущему к центру базы. Он ещё не подошёл к дверному проёму, а уже унюхал – вот оно. Запах трудно было с чем-то спутать. Свиноморфы устроили тут сортир.

Едва ли бы хряки стали ходить до ветру далеко. Графен откинул тактический экран на запястье и высунул за угол объектив миниатюрного тепловизора – на экране отобразилась картинка. Ярко-красные трубы, чёрно-синий пол. Чисто. Так он стал проверять каждое ответвление тоннеля, пока не заметил засаду – за очередным поворотом стояла лазерная пушка, наверняка самонаводящаяся. Позади, в небольшом помещении, расположились свиноморфы – с такого удаления было трудно сказать, сколько их. Сгрудившись вокруг портативной плитки, они ели. Типичное их занятие. Наличие роботизированной пушки ослабило бдительность противника. До свиней было метров пятнадцать. Графен вытащил из подсумка пузырную гранату и, не выходя из-за угла, закинул хрякам, тут же отдёргнув руку. Лазерный луч запоздало мазал по стене, раздалось удивлённое «хрю», громкий хлопок, а потом – долгий скрипучий звук, будто вели пенопластом по стеклу – это затвердели цианоакрилатные пузыри.

Графен высунул камеру – коридор вспучился пенящейся массой, поглотившей и свиноморфов, и пушку. Масса твердела на глазах, становясь прозрачной. Графен подошёл к самой границе пены. Комната была заполнена прозрачными пузырями – твёрдыми и хрупкими, как лампочки. Пушка силилась сдвинуть ствол, но клей держал крепко. Посреди помещения в нелепых позах висело три свиноморфа, не в силах пошевелиться и даже вздохнуть. Графен вскинул пулемёт и сделал три выстрела – из-за массивного глушителя они были бесшумны, только углепластиковые гильзы зацокали по полу. Пули пробили хрякам головы, оставив в пузырчатой массе каналы, по которым потекла кровь, Это было похоже на выдвигающиеся в сторону Графена красные стержни.

Он отвернулся и пошёл искать обходной путь. Через несколько суток пузыри деградируют от атмосферной влаги, и трупы опустятся на землю, если, конечно, раньше не придёт команда зачистки и не промоет помещение тугой струёй ацетона.

Судя по снаряжению, свиноморфы были хеленмарскими военными. Но тогда почему их так мало? Графен проверил журнал вызовов – тот был пуст. Радиосвязь внутри базы работала плохо, но, похоже, другие отряды пока не встретили достойного сопротивления.

Сохраняя бдительность, Александр добрался до командного центра базы – пещеры сорока метров в диаметре. Кое-где подвесной потолок отвалился, обнажив марсианскую породу. За стенными панелями, частично снятыми, виднелись трубы и выпотрошенные лотки – повсюду валялись остатки изоляции. Разбитые экраны, сломанная мебель. В центре было расчищено немного места. Там стояли армейские ящики. Графен насчитал пять спальных мешков. Качество снаряжения – очень высокое. Наверняка, здесь ночевали офицеры. Графен поёжился – с драконами лучше не сталкиваться, особенно в тесных тёмных коридорах помещений. Он мельком осмотрел вещмешки – мясные концентраты, вода в бутылках, запасные батареи к оружию, военная электроника, молитвенная фигурка Отца драконов Хаяо Кодзимы, боевые стилеты – заострённые кристаллические трубочки. Драконы втыкали такие в своих жертв, чтобы те истекали кровью.

Отходя подальше, Графен закинул гранату в центр бивака – десятиметровая сфера вздулась по центру помещения, заскрипела, оседая, и вот в свете подствольного прожектора искрился огромный стеклянный одувачик. Пыль от таких пузырей приводит к болезням лёгких, так что Александр поспешил дальше – перед ним открылся длинный зарешёченный коридор – это были тюремные камеры.

Поселение «Либерти Уан» должно было стать американским обществом в миниатюре. И если на родине сидел каждый тысячный, на Марсе за решёткой оказывался каждый сотый. Вне матушки-Земли социальные процессы протекают острее – и если в США преступника было проще застрелить на месте, то здесь каждый человек был на вес золота. Ровно столько стоит доставить колониста с Земли и обеспечить проживание. А в условиях, когда часто не хватает основного – помещений, воздуха, воды, еды и тепла – люди испытывают постоянный стресс, который не так-то просто снять. Тут нет природы, почти нет животных, выбор половых партнёров невелик и всё строго регулировано. Гражданские бунты первопоселенцев, бывших, по сути, невозвращенцами, показали, что самое страшное для колонии – стихийное восстание. На каждые сто жителей базы надо иметь, как минимум, две камеры, а лучше пять – таким был американский опыт колонизации.

Смотря на решётки, Графен поморщился – это не драконы придумали, они лишь воспользовались тем, что досталось им в наследство. Просто постлюди стали больше сажать и убивать – в Хеленмаре тюрьмы никогда не пустуют.

С пулемётом наперевес он пошёл, проверяя камеры, и скоро наткнулся на первых заключённых, а точнее – на их трупы. Они были убиты в спешке, несколько часов назад – одних упокоили выстрелом в лицо, другим перерезали горло, кого-то свеживали, вырезав крупные мышцы. Драконы были людоедами – они ели людей и зверочеловеков, и даже других драконов – не в ритуальных целях, а чтобы подкрепиться.

Похоже, хеленмарцы хозяйничали тут последнюю пару месяцев, раз успели обзавестись пленниками. Их держали голышом, так что, кто они и откуда, понять было сложно, но все они были базовыми людьми.

Миновав тюрьму, Александр попал в бывший кафетерий, ныне превращённый в пыточную. Ещё одна забава хеленмарской элиты. На пластиковых столах лежали внутренние органы, расфасованные по пакетам. Рядом стоял вакуумный упаковщик и радиационный стерилизатор – считай, готовый консервный заводик.

Помещение было заляпано кровью, со столов свисали ошмётки плоти. В центре комнаты, покачиваясь на цепи, висела девочка лет десяти – крюк входил под рёбра. Её освещал переносной прожектор, словно это была инсталляция на модной хеленмарской выставке.

Графена передёрнуло – во время войны ему многое пришлось повидать, но к мёртвым детям он так и не привык. Убрав пулемёт, он подошёл осмотреть тело. Оно могло быть заминировано, но ловушек он не нашёл.

Графен взял девочку под мышки и снял с крюка. И тогда она застонала – тихо-тихо. Александр чуть не выронил её от неожиданности, но осознав, что ребёнок жив, не стал медлить. Скинув с ближайшего стола всё лишнее, он уложил девочку на холодный сырой пластик и, вытащив из медицинского подсумка чудо-пластырь, запечатал им рану.

Девочка открыла небесно-голубые глаза, окружённые густыми ресницами. Обветренные губы прошептали «пить», и Графен напоил девочку из фляжки.

– Так холодно, – прошептала она, и Александр, достав из подсумка химическую грелку, подложил ей под бок.

– Как тебя зовут? – спросил он. Так его учили: в критической ситуации имя – это ключ к общению.

– Олеся, – ответила девочка слабым голосом.

– Откуда ты, Олеся? – спросил он.

– Луночарский сто двенадцать, – прозвучало как название какой-нибудь мелкой агрофермы или горняцкой станции, коих в округе было без счёта – Кидония была плотно заселена.

– Как ты попала сюда?

– Драконы напали. Убили маму, папу, брата... – девочка всхлипнула и протянула к Графену руки, словно хотела прижаться к нему. Он наклонился, и она обняла его голову.

– Как тебя зовут? – спросила она, и он ответил:

– Александр.

– Вот ты и попался, debil! – сказала Олеся, а потом стиснула его голову так, что захрустели шейные позвонки. Графен попытался оторвать её от себя, но тут через его мозг прошёл электрически разряд. Он обмяк и повалился на пол. Девочка оказалась сверху. Свирепо скалясь, она прорычала:

– Александр Графен, дважды герой России, убийца драконов... Ты и вправду такой дремучий идиот, каким тебя показывают в наших сериалах? Ничего, сейчас я это исправлю!

Она притянула его лицо к своему. Её глаза больше не были цвета неба. Они были блестящими, как фольга, с вертикальным зрачком. Это были глаза серебряного дракона. Девочка впилась в его губы – её детское тело, теперь налившееся невероятной силой, вздрогнуло в рвотном позыве, и что-то густое, с металлическим привкусом, потекло ему в глотку, обжигая слизистую. Графен дёрнулся, но новый удар тока потряс его, заставив вытянуться. Мерзкая жижа втекала в него, казалось, бесконечно, но он, преодолевая боль и онемение, собрал силы, чтобы садануть дракона по голове – один раз, другой. Каким-то чудом он прервал этот извращённый поцелуй-кормление, столкнув её с себя – сначала коленями, потом ногами. Она рвалась к нему, истекая из пасти серебристой рвотой – с отрешённой яростью, словно это было ритуалом, который нельзя прерывать, а потом внутри Графена что-то вспыхнуло, испепелив разум, и он исчез в темноте, которая длилась тысячу лет и одно мгновение...

Когда Александр открыл глаза, он всё ещё лежал на полу пыточной – под затылок ему подпихнули какой-то свёрток. В голове шумело, в горло словно залили свинец, но он всё ещё был жив. Напротив, на складном стуле, сидела девочка-дракон «Олеся». Теперь она была одета в форму полковника сил спецопераций. Правую сторону груди покрывали маленькие металлические значки – боевые награды.

Не сводя глаз с Александра, дракон достала из кармана пачку и выудила тонкую сигарету, а потом свела большой и указательный пальцы – с треском вспыхнула плазменная дуга. Прикурив, девочка затянулась табачным дымом. Её лицо сохраняло ту же детскую невинность, как когда она изображала «Олесю», но теперь добавилась мрачная задумчивость взрослого.

Графен попробовал пошевелиться – получилось. Сев, он осмотрел себя. Теперь на нём был скафандр хеленмарского штурмовика – узковатый в груди и руках, зато свободный в животе и ногах, словно был сделан на какого-то толстяка. Шлем стоял рядом. Но главное – на коленях Графена лежала хеленмарская штурмовая винтовка.

Схватив оружие, Александр навёл оружие на хеленмарку, но стоило это сделать, как его шарахнуло током, и винтовка выпала из рук.

Девочка рассмеялась, впрочем, без особой радости.

– А вот хрен тебе трансбуккально, Графен, – сказала она.

– Чего?

– За щеку, вот чего, – пояснила дракон.

– Что ты со мной сделала, демон? – прохрипел он.

– Ввела тебе специальные наноботы в глотку. Наноскопические роботы, просекаешь? Они проникли тебе в мозг и сформировали там имплант дистанционного управления, синхронизированный через квантовую спутанность с контролирующей структурой у меня в мозгу. Мы теперь связаны, какие бы пространства нас не разделяли. Ты теперь мой конфидент.

– Конфидент?

– Особо доверенное лицо. Недобровольный помощник.

– То есть раб?

– Нет. Сейчас ты не сможешь уловить разницу, но потом поймёшь, что она огромна...

Но не сейчас. Сейчас поводок будет очень коротким, потому что в ближайшие несколько часов наша жизнь целиком будет зависеть от того, насколько ты мне послушен.

Графен попробовал встать, но выходило с трудом – перед глазами всё ходило ходуном. Держась за край столешницы, он неуклюже поднялся.

– Какого чёрта ты – ребёнок?

Девочка позволила себе сдержанную улыбку:

– Я неотенический дракон. Биологически мой возраст навсегда заморожен на отметке десяти лет, но так-то мне пятнадцать.

– И ты уже полковник? – не поверил Александр.

– Вы русские слишком хорошо умеете убивать наших офицеров, так что у меня была быстрая карьера.

– Почему ты оставила меня в живых?

– Заткнись и хорошенько прислушайся, – сказала девочка, и тогда он услышал звуки далёкой стрельбы и взрывов. В коридорах «Либерти Уан» шёл бой.

– Скоро всё кончится. Атака русских отбита. Это изначально было ловушкой – база станет вам могилой. Мы превосходили вас пять к одному, когда начался бой, а сейчас ваши силы окружены и уничтожены. Ты, Графен, последний выживший.

– Что тебе от меня надо?

– Мы договоримся. У нас будет взаимовыгодное соглашение, – она подошла к нему. Взглянула в глаза и сказала торжественно:

– Я стану твоим билетом отсюда, а ты – моим билетом в Российскую Федерацию.

– Но почему?

Дракон подвинулась вплотную – при их разнице в росте она упёрлась носом ему в живот и, задрав голову, поманила пальцем. Он наклонился, и она прошептала ему в ухо:

– Ненавижу Хеленмар. Я сваливаю.

Он отодвинулся, посмотрел ей в глаза. Они снова были голубыми, с человеческим зрачком.

– Как ты это делаешь?

– Голография, – ответила девочка: – Удобно для инфильтрации. Люди привыкли, что дракона легко узнать по глазам, и не ждут подвоха.

– Как тебя зовут на самом деле?

– Астра... Астра Нейзильбер, – после небольшой паузы ответила дракон.

– Что за скафандр на мне? От него несёт.

– Моего адъютанта, свиноморфа. Он был похож на тебя размерами. Поэтому я его и выбрала.

– Где он сейчас?

– В животике, – Астра довольно улыбнулась и добавила: – Он выполнил свою роль. Больше не думай о нём.

– А что будет со мной, когда я выполню свою роль? – прямо спросил Александр.

Девочка-дракон задумалась.

– Ну, ты, как минимум, будешь величайшим героем своей страны, но я сомневаюсь, что ты сможешь так легко выполнить ту грандиозную задачу, что я тебе поручу. Возможно, у тебя уйдут на неё десятилетия. У меня на тебя очень большие планы, Графен. А пока что мы должны выбраться отсюда живыми вдвоём – я, хеленмарский полковник, и ты, мой верный свин-адъютант. Надевай шлем и отправляемся. С этого момента говорить буду только я. Твоя роль –

беспрекословно выполнять мои команды и молчать при любом повороте событий. Максимум, можешь хрюкнуть – не более того.

– Я, может, не могу убить тебя сам, – сказал Александр. – Но что мне мешает подставить тебя? Просто буду тупить на месте – бей током сколько хочешь. Твой обман раскроется.

– Ты можешь, – пожала плечами дракон. – Меня отдадут под трибунал. Возможно. Я отлично умею выкручиваться и врать. А вот тебя убьют – это точно. Или на месте, или отвезут в столицу для публичной казни. Это будет шоу! Казнь Графена. Всегда мечтала увидеть, если не поучаствовать... Но это в прошлом. Сейчас я хочу свалить. А ты чего хочешь?

– Убить всех драконов, – честно ответил Графен.

– Тогда это не то место, откуда стоит начинать, – пожала плечами Астри. – Потому что здесь и закончишь. У нас мало времени на пустые разговоры. Скоро тут будут штурмовики.

– Только пока, а потом посмотрим, – Графен надел шлем, пахнувший хлебом.

Когда они шли к ангару, он спросил её по закрытому радиоканалу, соединявшему только их двоих:

– Кто повесил тебя на крюк?

– Сама насадила, – ответила девочка, не открывая рта. Устройство аудио-связи, похоже, было встроено в её мозг. Синтезированный голос был лишён эмоций.

– Как это сама? У тебя был бок проткнут, – не поверил Графен.

– У меня оторванные руки и ноги отрастают, не то, что бок. Неотеническая регенерация, как у аксолотля, понимаешь?

– Прямо вот заново?

– Не прямо вот сразу, но да – заново.

– А тех людей – в камерах – ты убила? Только не ври.

– Не я. Я же не единственный тут дракон... Я не приказывала их убивать, но и не возражала. Да и с чего бы вдруг, а? – на ходу повернулась к нему Астри.

Графен промолчал, потом спросил:

– Как ты знала, что я пойду к тебе, в командный центр?

– Я не знала. Мне просто был нужен любой русский спецназовец, которого я сделала бы конфидентом. Поэтому я выбрала себе самого крупного адъютанта-свиноморфа, чтобы спецназовец точно влез в его скафандр... Ты был случайным элементом в моём плане, Графен. Вероятность встретить тебя была исчезающе мала – на такое я даже не рассчитывала. Каждый из нас вытянул свой счастливый билет.

Александр хотел было буркнуть что-нибудь несогласное, но тут из-за угла вышли хеленмарские штурмовики. Графен начал вскидывать винтовку, но тут же получил удар током. Было похоже на то, что он ошолобел от неожиданности. Встречные тоже дёрнулись к оружию, но вовремя признали своих. Шагнув к стене, чтобы дать им пройти, хеленмарские военные салютовали Астре:

– Коммандер!

– Штурмовики, – ответила Астри быстрым жестом.

Вскоре штурмовики стали попадаться на каждом повороте – они прочёсывали базу, зачищая остатки сопротивления.

– Коммандер! – Штурмовик. – Коммандер! – Штурмовик. – Коммандер! – Штурмовик, – продвижение по базе превратилось в непрерывную череду воинских приветствий.

Было видно, что штурмовики уважают девочку-дракона и относятся к ней предельно серьёзно – ни малейшего намёка на то, что она вообще-то выглядит как десятилетний ребёнок.

Большинство хеленмарцев были звероловцами – поджарые мускулистые волкоиды и массивные, но рыхлые свиноморфы. Их легко было различить по комплекции, пусть головы и закрыты шлемами.

Многие опасливо косились на Графена – он был крупным даже по меркам генетически-улучшенных драконовских прихвостней.

Они проходили мимо останков русской штурмовой группы. Некоторых уже начали свежевать. Внутри Графена всё клокотало ненавистью и злобой, но Астра не уставала напоминать, как важна для их выживания маскировка.

– Ты хряк, запомни. Тебе безразличны мёртвые спецназовцы, – прозвучал в шлемофоне её голос.

В ответ Графен только скрипел зубами, лишь изредка позволяя себе короткие, но ёмкие ругательства. Не выдержал он, когда они застали сцену расстрела раненых «альфовцев», которых собрали в одном из центральных помещений базы. Александр узнал товарищей, увидел на их лицах отрешённое выражение готовности принять смерть. Хеленмарцы, проводившие расстрел, не ждали выстрела в спину. Графен, держа винтовку у бедра, навёл в их сторону ствол и нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Он нажимал раз за разом, но ничего не происходило.

– Я бы не дала тебе действующее оружие. Я же не дура, – раздался в наушниках безразличный голос Астры, после чего его тряхнуло током. Графен пошатнулся, но устоял на ногах, потому что Астра схватила его за руку и потянула из зала с силой, которой едва ли ждёшь от детского тела. Графен упирался, но удары тока следовали один за другим. Так она вывела его в коридор, где некому было кидать на них подозрительные взгляды.

Там Астра усадила его на ящик у стены, чтоб он смог передохнуть после шоковой терапии, а сама села рядом.

Александр что-то рычал, но девочка не слушала:

– Ты, кажется, не ценишь, что я делаю для тебя.

– Делаеть что?

– Вытаскиваю твою тупую задницу из безвыходной ситуации. Без меня ты бы был среди них – ещё один мёртвый герой.

– Скажешь, лучше быть живым трусом?

– О Хаяо Кодзима, Отец всех драконов! – закатив глаза, посетовала Астра: – В наших фильмах ты невероятно глуп – просто животное. Я думала, что это враки военной пропаганды, но теперь вижу – всё правда. Честно говоря, я уже жалею, что именно ты набрел на мой эротический перформанс с крюком.

– Будь ты проклята, – прохрипел Графен. Его мутило от электрошока, но где-то внутри зрела гаденькая радость, что девочка-дракон забрала у него тот самый выбор, который привёл бы его к неминуемой, пусть и героической смерти. Сняла с него ответственность за трусливую долю остаться в живых. И от этого он презирал себя только сильнее.

– У тебя жена и четверо детей. Неужели ты не хочешь вернуться к ним? – спросила дракон.

– Откуда ты... – начал он, но потом буркнул: – У других тоже были семьи. Чем я лучше?

– Тем, что ты пока живой, и твои родные имеют шанс вновь тебя обнять... А ещё ты Графен. Ты всегда выживаешь. Всегда, блин. Твоя феноменальная везучесть вошла в легенды.

– Да. Я обязательно выживу, – пообещал Графен. Это звучало как план, хотя в нём был всего один пункт.

– Так держать! – хлопнула его по плечу Астра и тут же потянула дальше – к ангару. – Хватит просиживать скафандр, здоровяк, надо спешить. Королевская манта сама себя не угонит.

– Коммандер.

– Мастер-сержант. – Астра остановилась, чтобы пожать руку высокому пожилому дракону в тяжёлой броне. Он чем-то напоминал эльфа – тонкое красивое лицо, испещрённое морщинами, острые длинные уши, седые волосы стянуты в узел на макушке. Судя по краснова-

тому отблеску глаз, это был медный дракон – самая слабая разновидность. Ранняя модель – Хаяо Кодзима создал их первыми, когда решил перейти от штучного производства постлюдей к массовому.

– Как прошло? – спросила Астра с приветливой улыбкой.

Скептически скривив губы, старый дракон покачал растопыренными пальцами:

– Так себе. Мелкая рыбёшка. В еду пригодно, на продажу – нет.

– А ты что – сразу Графена хотел поймать? – со смешком спросила девочка, и Александр невольно вздрогнул. Хотя драконы говорили между собой на хеленмарском, он их прекрасно понимал, так как трюхи разговаривал по-ихнему. Хеленмарский представлял собой смесь английского и японского.

Реакция Графена не ускользнула от медного дракона. Он присмотрелся к штурмовику и как бы походя заметил:

– Кстати, госпожа Астра, что-то не узнаю вашего Павло. Он будто схуднул и подкачался одновременно.

С ехидной улыбочкой девочка сделал манящий жест, словно хочет поделиться секретом, и когда мастер сержант склонил к ней своё острое ухо, громко прошептала:

– Я сказала ему, что если он не приведёт себя в форму, пушу его на рульку. Теперь он очень старается. Пьёт диуретики и слабительное, гантели тягает.

Вздыхнув, старый дракон снисходительно покачал головой:

– Всё-таки добрая вы душа, госпожа Астра.

– Да, я такая! – засияла девочка.

– Я бы просто срезал с него лишний жир, да на сковородочку, с картошечкой, под пиво.

– Отличная идея! – наигранно впечатлилась Астра и повернулась к адъютанту:

– Слышишь, Павло, у тебя появилась ещё одна мотивация подкачаться к марсианскому лету.

Графен не нашёл лучшей стратегии, чем молчание.

Девочка-дракон хлопнула «эльфа» по плечу и сказала:

– Бывай, Гумберт. Я пойду к транспорту. Не задерживайтесь. Минируйте всё и эвакуируйтесь.

Мастер-сержант кивнул, и они разошлись по своим делам.

– Похоже, ты вовсю веселишься, – заметил Графен сердито, стоило дракону уйти.

– Веду себя как обычно, – возразила Астра. – Все привыкли к такому. Другое было бы подозрительным. У нас тут вроде как воинское братство, ну знаешь, шутки-прибаутки всякие. Совместные фотографии над трупами поверженных врагов. Ты разве по-дружески так не шутил с теми парнями? Ну пока они были ещё живы, конечно.

Графен не ответил. Его била мелкая дрожь. Он чертовски устал от стресса. В такие мгновения он вспоминал, что ему скоро сорок. Он слишком стар для такого дерьма. Точнее, оно ему нравилось, пока он побеждал. Но не сегодня. Не сейчас.

Лётный ангар был огромный – ста метров в высоту, полкилометра в длину и столько же в ширину. В лучшие времена, до Первой хеленмарской, он был весь заставлен орбитальными шаттлами, но теперь тут стояли три потрёпанных десантных катера и висела королевская манта – современный орбитальный штурмовик с возможностью межпланетных перелётов. Графен понял – драконы прилетели на манти, а зверолюди – на стареньких виманах. При любой возможности драконы старались показать превосходство над своими приспешниками.

Астра направилась к манти, Александр последовал за ней. Их путь пролегал мимо группы волкоидов во главе с пудледемоном – тот сортировал трофеи, по большей части куски человечины, запакованные в пластик, а также скальпы – за каждого убитого базового выплачивали

вознаграждение. Рядом валялось окровавленное снаряжение. Волкоиды примеряли ботинки спецназа, крутили в лапах трофейное оружие.

В ангаре был воздух, поэтому хеленмарцы стояли без шлемов. Перегавкиваясь, они щёлкали острыми зубами, чтобы запугать товарищей и забрать побольше. Но все трусили перед пудледемоном – высоченным лохматым ублюдком. Если в волкоидах всё же было больше от людей, чем от собак, то в пудледемоне – строго наоборот.

Графен пожалел, что его винтовка сломана. Пожалуй, он смог бы скосить врагов до того, как они сообразят, что к чему, но наверняка дракон вытащила из оружия какую-нибудь важную деталь, так что самому починить не выйдет. Когда они практически миновали эту шумную группу, пудледемон, сидевший на ящике, вдруг схватил Графена за руку и дёрнул к себе.

Не отпуская Александра, он поднялся в полный рост – Графен был два десятием ростом, но хеленмарское отродье оказалось на полторы головы выше. Придвинув рычащую пасть к зеркальному забралу Графена, пудледемон оскалил клыки.

– Фу-фу, русским духом пахнет, – пролаял он. – Русская костка сама на двор пришла.

Не успел Графен среагировать, как Астри шагнула к ним и пнула пудледемона под колено.

Тот громко заскулил, выпустив Александра, и уже собирался цапнуть девочку, как та вскинула руку:

– Хайль Кодзима!

Подчиняясь рефлексу, вколоченному годами службы, пудледемон вытянулся по стойке смирно:

– Вива Хеленмар!

– Ты чего, берега попутал, псина сутулая? – закричала Астри. – Какой русский дух? Ты сидишь на горе русских трупов и их снаряжения. Что ты там унюхал через эту вонищу? Свой пердёж?

– Подозрительный он у вас. Хряки меня за версту обходят, а этот ходит нагло, не боится. Пусть снимет шлем, если я не прав! – огрызнулся пудледемон и повернулся к Графену. – Снимай шлем, свинота!

– Это мой адъютант, и слушается только моих команд, – возразила Астри. – Сержант, отставить пререкания.

– Пусть докажет, что он хряк, а не человек, или я возьму вас под стражу, – оскалился сержант. – Нас больше, и мои парни слушаются только меня.

Графен уже понял, что заварухи не миновать. Происходящее его даже забавляло – девочке-дракону не выкрутиться, а значит придётся драться.

– Это ты, Артемон? Это я, Мальвина, – бросил он в радиоканал громким шёпотом, зная, что его услышит только Астри.

Пудледемон внезапно взвился на месте – непонятным образом он оказался на их волне. Повернувшись к волкоидам, он зарычал:

– Кто это сказанул?! Кто этот маленький вонючий цисгуманистический недоносок, который только что подписал себе смертный приговор? Никто, да? Это Хаяо Кодзима, Отец всех драконов, сказанул, да? Ну, офигеть! Да я вас всех до смерти физо замучу!

Пудледемон схватил за шкуру ближайшего волкоида и оскалил клыки у того перед глазами:

– Это ты сказал, пёс чесоточный, а?

– Сэр, никак нет, сэр! – испугано проскулил волкоид.

– Это я сказал, – сказал Графен, нажав на шлеме кнопку громкой связи.

Пудледемон завыл, бросив подчинённого, кинулся к Графену и схватил того за шлем, заелозив клыками по забралу. Александр двинул ему по рёбрам и, перехватив лапу, стал выкручивать. Отродье впилося ему в плечо и стало рвать с такой силой, что под бронетканью лопнула кожа, а плечевой сустав захрустел.

– Не мешайте им! – раздался крик Астры. – Пусть животные решат всё в схватке. Делайте ваши ставки, господа.

Девочка-дракон запрыгнула на ящик, на котором до этого сидел пудледемон, и, охватив взглядом озадаченных волкоидов, медливших с тем, чтобы броситься на помощь командиру, продолжила:

– Справа кладите хабар, если за победу Азора Бешеного, слева – если за Павло Виктимюка.

В это время Азор Бешеный, исходя пеной из пасти, продолжал рвать Графену плечо, несмотря на удары, которые тот наносил ему свободной рукой и ногами. Зверюга словно не чувствовала боли. Лапами пудледемон пытался расстегнуть застёжки шлема, чтобы стащить его и добраться до горла. При этом он умудрялся защищать свою паховую область от ударов коленом. Это был жестокая схватка, и все навыки Графена, бывшего мастером крав-мага и боевого самбо, не давали преимущества перед столь свирепым врагом. Астра не спешила приходить на помощь – она была занята сдерживанием волкоидов.

Чувствуя, что едва удерживает равновесие под напором Азора, Графен рискнул. Зубы пудледемонов острее бритвы и твёрже стали, но, похоже, иного выхода не было. Просунув свободную руку между мордой Азора и своим плечом, он ухватил пуделя за верхнюю челюсть – прямо у носа, а истерзанной левой схватил за нижнюю челюсть. Разжать эти челюсти не представлялось возможным – они были генетически запрограммированы на мёртвую хватку. Но Графен рывком сместил челюсти: верхнюю дёрнул вправо, нижнюю – влево. В челюстном аппарате что-то хрустнуло. Пудледемон отпрянул, но Александр подставил ему подножку, и они повалились на пол. Освободив плечо, Графен ухватил как следует и стал разжимать челюсти Азора на угол, не предусмотренный ни собачьей природой, ни генными инженерами. Тот захрипел, силясь оторвать руки Графена, но Александр не зря числился одним из сильнейших людей Земли. Зарывав от натуги, он разорвал пудледемону пасть – челюсти, оглушительно хрустнув, сломались. Лапы Азора повисли плетьюми. Не отпуская челюстей, Графен переместился отродью за спину и навалился всем весом, вдавив кудрявую башку в плечи, а потом мощным вращением сломал шею – сдавленные позвонки перерубили проходящие сквозь них артерии. Азор Бешеный умер.

Графен разжал натруженные руки, и массивное тело с шумом рухнуло на пол.

Повисла тишина. Волкоиды, поставившие весь хабар на начальника, не могли поверить своим глазам.

– Не переживаем. Так ему и надо. Он же Бешеный. К тому же, перед операцией с Азора сняли цифровую копию. Как вернёмся, его сразу распечатают и будет он снова у вас командиром, – стала успокаивать их Астра, а сама забрала из призовой кучи несколько пищевых рационов. Затем пошла к Графену, устало сидевшему на трупе:

– Подъём, Виктимюк.

Подставив плечо, чтоб тот поднялся, она повела его к королевской манте, каждую секунду ожидая выстрела в спину. Но выстрелов не было. Для подручных Азора его смерть стала шоком. Свины всегда были для них добычей, а чтобы хряк одолел пудледемона – это уже не лезло ни в какие рамки.

– Эту тварь действительно оживят? – прохрипел по шлемофону Графен.

– Может – да, а может и нет. С одной стороны псов-демонов не так уж много, чтоб ими разбазариваться, а с другой – Азор никогда не был хорошим мальчиком. Грыз не ту кость не в том месте, ссал невпопад и не давал лапу по команде. Так что теперь, когда он так удачно «притворился мёртвым», многие захотят, чтобы всё так и оставалось. Он проиграл, а драконы не прощают слабых, – прагматично заметила Астра.

Орбитальный штурмовик парил на высоте пяти метров, окружённый полупрозрачным силовым полем. Последнее слово в хеленмарском биодизайне, королевская манта внешне повторяла гигантского ската, обитавшего в тропических водах Земли, только была длиной сто двадцать метров. Её устройство оставалось загадкой. Российским военным пока не удалось заполучить ни одной целой машины – пилоты предпочитали подрыв энергетического ядра плену и бесчестию. Считалось, что управление мантай настолько сложное, что его могут освоить только драконы.

Когда они подошли к голове мантай, та скосила на них свои глаза на стебельках, расположенные вокруг огромного рта, бывшего входом в грузовой отсек. Опустив к земле ротовой плавник, манта позволила им подняться на борт.

Стены грузового отсека светились. Тут стояли криокапсулы для длительных перелётов – благодаря своим генам, драконы легко переживали полную заморозку. Рядом располагались обычные противоперегрузочные кресла. В одном из них полулежал молодой красивый мужчина, одетый в одни шорты, – он как раз доедал сэндвич.

Увидев Графена, он нахмурился:

– Коммандер Нейзильбер, что тут делает это животное? Моя манта только для наших.

Девочка-дракон бросила на пол трофейные рационы, а затем выхватила из набедренной кобуры пистолет и вышибла мужчине мозги. Его тело забилося в безобразных конвульсиях, как у обезглавленного кузнечика, и не было похоже, что это скоро закончится.

Астра выстрелила ещё, чтобы отделить конечности от корпуса, но даже так они продолжали свой танец. В тех местах, где луч попал в стены отсека, из пробоин струилась вязкая жидкость, которая тут же застывала.

– Кто это был? – спросил Александр. Ему доводилось убивать драконов, так что он узнал эту пляску смерти.

– Пилот.

– Как мы полетим без пилота?

– Так же как с пилотом, только без пилота, – пожала плечами девочка. – Пойдём в кабину – будешь моим вторым номером. Но сначала тебе нужно раздеться. Пилотирование – довольно жаркий процесс.

Она помогла Александру отстегнуть шлем, и он наконец вдохнул свежий воздух, правда, в отсеке воняло палёным мясом.

Когда они стянули с Графена скафандр, оказалось, что его левое плечо всё измочалено.

Астра озадаченно цыкнула:

– Я и забыла, что ты не регенерируешь.

Дракон сходила за аптечкой, и, вернувшись, сделала Александру укол обезболивающего. Густо запенив раны медицинским гелем, Астра повела его в кабину пилотов, располагавшуюся над ртом мантай. Там, в небольшом предбаннике, она разделась до нижнего белья, а Графену выдала шорты – такие же, как были на пилоте. Ткань была эластичная, так что он смог втиснуться.

– Мы не выкинем останки дракона? – спросил Графен.

– Не сейчас. Это вызовет ещё больше вопросов со стороны тех, кто наблюдает за мантай. Я хочу, чтобы они начали мешать нам как можно позже.

Пилотская кабина была завешена мониторами. Они показывали всё, что происходило вокруг машины. По обе стороны от входа располагались противоперегрузочные кресла – они были резиновыми. Вокруг них теснились рычажки, кнопки, колёсики и сенсорные панели. Но самый странный элемент управления находился прямо под руками – в подлокотники были встроены резиновые полусферы, подозрительно напоминавшие женские груди, – даже некое подобие сосков присутствовало.

Астра плюхнулась в кресло, и оно тут же подстроилось под неё – «груды» переместились под её ладони, рычажки, кнопки и колёсики сползли к креслу так, чтобы ей было удобно тянуться. Главное – кресло обхватило бёдра и голову девочки, надёжно зафиксировав её в механических объёмах.

Следуя кивку дракона, Графен опустился на своё и почувствовал, как под эластичной обивкой двигаются механизмы, обеспечивая индивидуальной опорой каждый позвонок, каждую мышцу. Деликатные захваты прижались к бокам и черепу. Он попробовал подняться и обнаружил, что кресло поднимается вместе с ним. Он мог крутить головой – захваты сопровождали каждое движение так, что он не чувствовал сопротивления. Александр приподнял руки и увидел, как подлокотники устремились следом.

– На перегрузках ты возблагодаришь эти штуки внутри кресла – они действуют как экзоскелет. Сожми пальцы в кулак, если захочешь дотянуться до какого-нибудь переключателя – подлокотник следует за рукой, только пока ладонь раскрыта.

– Я-то думал, у вас мысленное управление.

Скептически поджав губы, Астра возразила:

– Мысленное управление – отстой. Для паралитиков и искусственных интеллектов. Раз у тебя есть тело, почему бы не воспользоваться? Говорят, драконье пилотирование напоминает три наши главные страсти – секс, убийство и поедание плоти, и пусть я знакома только с двумя из трёх, в пилотировании я очень хороша. Считается, что базовые люди и зверюды неспособны освоить управление манты, потому что вы слишком отстаёте, но обещаю – под моим руководством ты освоишь его настолько, чтобы самостоятельно приземлиться, когда мы достигнем Земли.

– Почему я должен делать это сам?

– Потому что я сойду чуть раньше, дурачок, – снисходительно пояснила дракон.

– В основе манты лежит ядро управляемого термоядерного синтеза – «токамак» по-вашему. Вырабатываемая им энергия распределяется между всеми системами корабля, но самые требовательные из них три – двигательная установка, защитное поле и энергетическое оружие. В бою эти три системы постоянно конкурируют за энергию, так что пилоту нужно грамотно распределять энергию в зависимости от того, что ему нужно прямо сейчас – высокая тяга, мощный силовой щит или сокрушительный залп бортовых орудий.

– Разве нет системы автоматического распределения?

– Есть, но она отстой. Никакого удовольствия. Вообще, в манте автоматизировано всё – пилотирование, управление ядром, даже бой за тебя может вести встроенный искусственный интеллект, но всё это крайне ущемное – настоящий дракон никогда не летает на автомате. Ручной режим форэва! Естественно, автомат может помочь новичку, но пилот экстра-класса всегда обыграет робота. Поэтому не советую даже начинать привыкать к автоматизации – закончишь в мусорном ведре.

– Почему?

– Потому что в Хеленмаре жизнь ничего не стоит – ни драконья, ни, тем более, человеческая. Постчеловеческое общество не нуждается в живых. Совсем. Здесь, если робот что-то делает лучше живого, от живого избавляются, а на его место сажают робота. Никого не волнуют демографические показатели. Никто не поддерживает многодетные семьи. Правительству наплевать. Ты полезен – тебе позволяют жить. Ты бесполезен – тебя отправляют в био-реактор. Именно поэтому я с малолетства оттачивала пилотирование, стратегию и тактику, полировала боевые навыки. Я не хочу, чтобы меня разобрали на органы и мясную вырезку, а оставшееся смыли в дренажное отверстие... Поэтому я летаю только в ручном режиме и сражаюсь лучше робота.

– В России не так. Человеческая жизнь – самоценна.

– Я очень на это надеюсь, – закивала Астра. – Потому что Россия – это именно то место, где я планирую остаться навсегда.

– Зачем? – с подозрением спросил Александр.

– Чтобы не соревноваться за право остаться в живых. Это утомительно. Хочется пожить просто так, – ответила девочка, а затем, приподнявшись в кресле, стала показывать элементы управления: – Вот оружейная панель. У нас на борту – спаренные турбо-лазеры прямой накачки. Сколько в них вкачаешь энергии, на столько и выстрелят. С одной стороны это хорошо – можно гибко управлять мощностью, а с другой плохо – легко хватить лишнего, оголив остальные системы. У меня всегда тут висела табличка – «АСТАНАВИС ПОДУМОЙ», но второй пилот её вечно рвал, и мне приходилось делать новую.

– Второй пилот – это... – начал Графен, и Астра кивнула:

– Он самый. Он был отличным парнем – для дракона. Мы с ним почти ладили, а это среди нашего племени – большая редкость. Он был из тех, кому я почти доверила бы прикрывать мне спину – ненадолго, конечно... Но это не повод оставлять его в живых – увы!

– Драконы... – многозначительно заметил Александр.

– Продолжаем. Вот тут управление граваксом. Гравакс – это от «грэвити акселерейтор». Гравитационный ускоритель, в общем. Он позволяет манте парить в поле тяготения планеты, а в космосе отталкивается от виртуальных частиц межпланетного эфира. Короче, создаёт тягу из ничего.

– У нас есть такие двигатели, – перебил Графен.

– У вас много чего есть в новейших моделях, но в подавляющем большинстве случаев вы до сих пор на термоядерном прямоходе летаете.

– Как и вы.

– Мы не так часто, – надулась Астра. – Ладно, вот тут управление защитным полем. Обычно оно работает в следящем режиме – с минимальным энергопотреблением, переходя на полную мощность только когда фиксирует атаку на судно. Но чаще всего слишком поздно – в корпусе уже дыра. Поэтому в бою следящему режиму не место. Там ты сам решаешь, сколько энергии отдать полю, то есть фактически то, какой толщины броня тебя нужна прямо сейчас. Если отдать всю энергию полю, то не сможешь ни ускоряться, ни стрелять. Зато и не пробьёт никто.

– Ну это и ежу понятно, – пробухтел Графен.

– Я как раз для него и рассказываю, – огрызнулась девочка. – Из управления осталась мелочёвка – тут виндаж и слайд-контроль, там – фри-рол и паркทรอนิกส์. Пора переходить к главному. К ручному управлению ядром и граваксом.

Астра легла в кресло поудобнее, поёрзала, затем помяла полусферы на подлокотниках:

– Эти упругие штуки называются «титками». Главный элемент управления. Подстраиваются под размер ладони. Через них ты управляешь плотностью и формой силового поля, окружающего манту. Не умеешь их тискать – к пилотскому креслу даже не подходи. Розовые бугорки сверху называются «талямусы» – самый универсальный элемент управления. Их можно защипывать, крутить, тянуть в разные стороны. Не стесняйся дёргать со всей силы – не оторвёшь. Через талямусы ты будешь выполнять, считай, весь пилотаж, включая высший. Но самое главное – это твои бёдра. От того, насколько хорошо ты ими двигаешь, будет зависеть общая живучесть корабля, потому что бёдрами ты управляешь термоядерной реакцией внутри ядра.

– Как это? – не понял Графен.

– А вот так, – Астра ритмично заёрзала в своём кресле. – Работая бёдрами, надо раскачать ядро холодного синтеза так, чтобы оно дало больше энергии, но делать это надо плавно и постепенно, что не сработала система защиты от перегрузки... Важно поймать ритм. Смотри, сначала, с помощью «титек», ты пускаешь первую гармонику стоячей волны, потом, чуть погодя,

ей навстречу пускаешь вторую, затем третью, четвёртую и наконец пятую. Всё – теперь у нас под брюхом стоячая волна, энергия на зависание практически не тратится. Теперь раскачаем бёдрами ядро. Раскачивай ядро, пускай волну – так ты должен вывести ядро на высшее энергетическое плато. Покажи ядру свою страсть.

Астра покраснелась, задышала тяжело:

– Всё, теперь у нас есть сто мегаватт энергии для стрельбы. Начинаю турбировать лазеры...

– Куда стрелять-то будешь?

– В крышу ангара. Если попробуем через шлюз, это долго – они раньше нас обложат, потребуют, чтоб вышли, а не послушаемся – расстреляют переносными установками. А так сразу взлетим. С ветерком... Приготовься к жёстким перегрузкам, Графен!

Манта крутанулась на месте, и на крыше ангара вспухло огненное кольцо – через мгновение вырезанный кусок стал падать, но манта, уклонившись, нырнула в образовавшийся просвет. Астра тут же врубила гравакс на полную – их вмазало в противоперегрузочные кресла. Александр едва не потерял сознание – было, как минимум, десять «же».

Последовало несколько мучительных минут.

Раздался пищущий сигнал, и Астра напряглась:

– Орбитальное сближение. Фиксирую три корабля на встречных курсах. Начинаю восходящий манёвренный бой. Отключаю силовое поле. Турбирую лазеры... Время жарить бекон!

– Остановись подумай! – успел крикнуть Графен, когда два сияющих луча вырвались из носа манты и продлились в бесконечность.

– Поздно! – хохотнула Астра, наклоняя манту так, чтобы луч смог добраться до невидимых целей.

На мониторе появился входящий вызов – перепуганное лицо мальчика-дракона, такого же, как и Астра. Увидев её, драконьш открыл рот от удивления. Астра крикнула «Свобода или смерть!» Мгновенное понимание промелькнуло в его глазах, и он разорвал связь. Астра продолжала пилить пространство лазерами, кидая манту из стороны в сторону. Графена замутило. Всё сейчас зависело от того, насколько Астра лучше тех, кого атакует. В какой-то момент Астра прекратила огонь и перевела энергию на силовые поля – по тому, как она управлялась с «титками», Графен понял, что она прикрывала заднюю полусферу – значит, они проскочили врагов и спасались бегством. Чувствуя ужасную усталость, Графен провалился в сон.

Когда он очнулся, в кабине была привычная – земная – гравитация, а мониторы показывали черноту космоса. Графен выбрался из кресла и поплёлся в десантный отсек. Там Астра поставила столик, на котором разложила трофейные сухпайки, и теперь изучала надписи на коробках.

Шрамы от лазерных выстрелов затянулись – стенки отсека были девственно чисты. Останков пилота не наблюдалось – похоже, Астра выкинула его, как и обещала.

– Сколько я спал? – спросил Графен.

– Часов пять. Я сама недавно очухалась. Мы шли на четырёх «же», так что меня тоже сморило.

– Нас оставили в покое?

– Скорее, ещё только собираются взять в оборот. Пока что мы в выгодном положении – королевская манта выдержит любую атаку. Лазерные лучи отразит, а ракеты либо не наведутся из-за системы «свой-чужой», либо манта взломает их на подлёте.

– OMG-пучок? – предположил Графен.

Дракон почесала голову:

– Поток протонов на околосветовых скоростях... Могло бы сработать, но о точном прицеливании на таком расстоянии не может быть и речи. Погоня также не имеет смысла – манта

самая быстрая. Про марсианский Хеленмар можно забыть. Стоит побеспокоиться о Хеленмаре земном и цисчеловеческих государствах – России и Китае. Они могут уничтожить нас на полёте... Поэтому ты должен поскорей связаться со своими и впарить им офигительную историю своего побега с Марса. Тогда, может быть, нас не собьют и ты станешь трижды героем.

– Трижды героем? – хмыкнул Александр. – За бегство?

– Давай расскажу о твоих подвигах. Когда вы поняли, что попали в засаду, то дрались как львы. Товарищи погибли героями, но ты выжил, потому что переоделся в скафандр убитого тобой хелемарского штурмовика и в таком виде ускользнул с базы – прямо у драконов из-под носа. Обманом проникнув на борт ультрасовременной манты, ты убил пилота, а затем... прямо на месте героически овладел навыками боевого пилотирования.

– Вообще-то я умею пилотировать орбитальные истребители, – раздражённо вставил Графен.

– От этого наша история только заиграла новыми гранями правдоподобия, – кивнула Астра. – Итак, овладев мантией, – кстати, не стесняйся конспектировать – ты осуществил экстремальный взлёт и, обнаружив на пути своего следования два хеленмарских заградительных корвета – «Гаэтан Дуглас» и «Томас Нойвирт», вступил в восходящий маневренный бой с превосходящими силами противника. Ядра обоих кораблей были в состоянии покоя, корпус – без защитных полей. Кинжальным огнём турбированных лазеров ты расхреначил их в труху, которая догорела в атмосфере. К несчастью, рядом на орбите находилось ещё одно судно – королевской гвардии десантный фрегат «Сэр Элтон Джон».

– Большому кораблю – большую торпеду, – буркнул Графен.

– Я сказала «к несчастью», потому что пилотом того был такой же неотенический дракончик, как и я. Он успел раскачать ядро и поднять поля, пока гибли корветы. У парня был выбор – атаковать нас или спасти себя и тех, кто был с ним на борту.

– Драконы всегда атакуют, – заметил Александр.

– Он вышел на связь и узнал меня.

– Вы знакомы?

– Нет, но в узких кругах я слегка известна, – Астра скорбно нахмурилась, словно задела её больное место. – Это позволило ему сделать правильный выбор. Он выбрал защитить тех, кто ему дорог, и пустил всю энергию на защитные поля. Тем не менее, тебе всё же удалось повредить корму «Сэра Элтона Джона», срезав маршевые двигатели. Однако жилые отсеки остались целы. Миновав орбитальную группировку, ты на полной скорости помчался к Земле... Как тебе история?

– В этой истории нет главного – девочки-дракона, которая устроила всё это.

– Нет никакой девочки-дракона, – уверенно ответила Астра.

– Да нас вдвоём вся база видела. Волкоиды, драконы. Мы остались на видеозаписях.

Астра вздохнула, словно ей приходилось объяснять очевидное:

– Нет никакой базы, Графен. Ни видеозаписей, ни свидетелей. Когда мы взлетали, силовое поле мантии растолкало виманы, сбив их с посадочных ног. Даже при желании они не смогли бы взлететь сразу, а через три минуты преждевременно сработали установленные нашей командой бомбы, разрушив большую часть базы и систему безопасности реактора. Никто не улетел и никто не выжил. Сейчас это крайне радиоактивная братская могила. Ковыряться там начнут сразу, но не думаю, что найдут хоть что-то, относящееся к нам двоим.

– А мальчик-пилот, который тебя узнал?

– Он либо будет молчать сам, либо его принудят к молчанию.

– Почему?

– Потому что дракон не может предать Хеленмар, – жёстко ответила Астра. – Дракон-предатель – нонсенс. Оксюморон. Мы можем предавать друг друга, но никогда – идеалы постгуманизма. Такими нас создали. Отец всех драконов Хаяо Кодзима сказал: «Дракон не предаст»

общего дела, ибо он не человек, а некто гораздо более совершенный». На этом зиждется вся хеленмарская пропаганда. Если они объявят, что дракон переметнулся к людям, это разрушит всё. Они даже помыслить такого не могут и придумают кучу объяснений, лишь бы избежать версии с предательством.

– Раз дракон не может предать, – осторожно сказал Графен. – То ты тоже не могла предать. Значит это некий хитрый план, чтобы внедриться в Российскую федерацию?

Астра грустно улыбнулась:

– Нет, это всё-таки предательство. Хаяо Кодзима ошибся. Дракон может предать общее дело – после того, как общее дело предаст самого дракона. Государству практически невозможно предать дракона, потому что он стерпит от государства всё что угодно, кроме одного...

Её голос вдруг стал плаксивым. Скривив лицо, она замолкнув на полуслове.

– Чего одного?

– Тебе, цисгуманистический мужлан, не понять тех уз, что для нас святы! – Астра захлопала носом, глаза её покраснелись. Она отвернулась от Графена и сидела, обхватив себя руками.

Чуть погодя она сказала:

– Полёт займёт два дня. Я прихватила с базы восемь ваших пайков. Мы должны их разделить. Как я понимаю, при твоих размерах тебе нужно два-три пайка на день. Мне хватит и одного... Смотри, я почитала состав, тут есть разные вкусы. Ты какую икру любишь – чёрную или красную? По мясу есть предпочтения – говядина, свинина, курятина?

– Разве ты не можешь есть драконьи пайки? – спросил Графен.

– Сейчас я тебе их покажу, – девочка отодвинула земные пайки и, сходяв к пищеболоку, вернулась с нарядными коробками. Поставив их стопкой, она сняла верхний и зачитала:

– Суп с лисичками. Любишь суп с лисичками, Графен?

– Не имею ничего против, – пожал тот плечами.

– В состав входит нежнейшее мясо девочек-лисичек, – она отбросила рацион и взяла следующий: – А вот тут тушёнка с человечинной. А в этой коробке – красненькой – специальная собачья серия. Паштет из печени пудледемона, бульон на косточке из волкоидов, а на «сладкое» – стейк из девочки-собачки. Ну, или из мальчика. Тут не уточняется. Ну, и как обычно – в каждой коробке сало свиноморфа с чесноком, перцем и солью.

Астра сбила остаток хеленмарских рационов на пол и подвинула к себе парочку российских пайков:

– В детстве я ела человечину – нас ею кормили. Но я больше не хочу... Я возьму вот эти два – с рисовой кашей и тушёной фасолью. Ты не против?

– Нет.

– Отлично. Остальные твои.

– Я всегда поражался, как вы, драконы, можете есть разумных существ?

– Это символ нашего превосходства, понимаешь? Вы, люди, можете есть животных, потому что они неразумны, но, по сравнению с нами, вы так же неразумны. Дракон, в зависимости от модели, в два-пять раз умнее обычного человека. Тут роль играет всё – и плотность нейронных связей в головном мозге, и скорость продвижения нервного сигнала, и даже само устройство мозга – какие в нём есть отделы и какова их площадь, с учётом извилин. Это не бросается в глаза при общении с людьми, до уровня которых мы вынуждены снисходить, чтобы быть понятными. Но это бросается в глаза, когда мы, драконы, общаемся друг с другом по мысленной связи, и, когда дело доходит до боя или решения по-настоящему сложных задач, – тогда-то наше превосходство очевидно. У человека шесть слоёв нейронов, а у драконов – от семи до девяти. Между нами пропасть по уровню разумности... И поэтому в Хеленмаре считается, что драконы могут есть остальных разумных точно так же, как базовые люди едят коров

и свиней. Мы на вершине пищевой цепочки... Что до меня, то я просто не хочу там больше находиться.

– Тогда попробуй яблочный джем, – Графен подвинул к ней один из пайков. – Последнее время – что-то с чем-то. Похоже, стали делать из настоящих яблок.

– Отлично, – Астра улыбнулась. – Сладкое я люблю.

Графен связался с военным флотом России. С Астрой они проработали его речь так, чтобы добиться ровно того, что было нужно ей, а не флотским. Те хотели выдвинуться навстречу манте и принять её на борт «Шойгу» – крупнейшего крейсера, стоявшего во главе лунной группировки РФ. Графену удалось убедить их, что манта имеет настройки безопасности, которые ему не удалось отключить – она может самостоятельно атаковать российские корабли или даже перейти в режим самоуничтожения, если её пристыкуют к одному из них. Сам Графен тяжело ранен – ему нужно как можно скорее получить квалифицированную врачебную помощь. Раз с русских кораблей получить помощь он не сможет, надо позволить ему приземлиться в России. Так, заодно, они пресекут попытки Хеленмара вернуть манту – если в космосе те ещё могут попытаться это сделать, то на территории России уже не рискнут – это будет чревато развязыванием войны. Графену предложили сесть за Уралом, но тот выдвинул свой вариант – он посадит манту в одну из «Трёх сестёр». Даже если в манте сработает механизм самоуничтожения, стена «Марии» сможет сдержать заражение местности, а сама территория «Марии» безлюдна. Тридцать километров в диаметре – этого хватит, чтобы удержать внутри последствия взрыва ядра манты.

Военные взяли перерыв, и пока они получали все разрешения, Астра ускоренно натаскивала Графена на управление мантой. Его плечо было в плачевном состоянии, но он стоически переносил перегрузки. «Ганбатте кадасай, бака чубака!» – кричала Астра на его неуклюжие попытки поменять курс, что означало «старайся лучше». В ответ Графен с грехом пополам составил фразу «позвольте мне умереть», но девочка-дракон не знала пощады. Чтобы он смог приземлиться самостоятельно, ей нужно было как-то обучить его гравитонике, то есть полёту на гравитационных ускорителях в атмосфере планеты, не имея под боком ни планеты, ни атмосферы.

Через день, провожаемые на почтительном удалении боевыми кораблями РФ, они миновали орбиту Луны, густо усыпанную спутниками и станциями. Астра отключила все каналы связи, по которым земной Хеленмар мог попытаться получить управление мантой.

Так как рабочая тяга штурмовика составляла почти сто меганьютонов, в пиковом значении добираясь до трети гиганьютона, манте не нужны были долгие орбитальные пляски с постепенным гашением скорости о верхние слои атмосферы. Это было крайне опасным – каждый виток давал хеленмарской ПВО возможность ударить по собственному штурмовику, поэтому, окружив себя силовым полем, манта начала ООП – отвесное орбитальное падение, также известное как планетарный таран. В два часа ночи по местному времени сияющий шар ворвался в воздушное пространство мегаагломерации Москвы. Двигатель работал на полную мощность, позволяя манте тормозить, силовое поле играло роль парашюта. Графен направил манту в центр «Ольги», меньшей из «Трёх сестёр». Они увидели их ещё с орбиты – три пятнадцать на сияющей медузе мегаагломерации. «Ольга» располагалась на месте старого Чехова. Астра, одетая в боевой скафандр, выпрыгнула из люка, и штурмовик тут же сменил курс, направив нос в центр «Марии» – куда и планировалось приземлиться.

Покинув защитное поле манты, Астра сама стала метеором – вокруг неё вспыхнуло облако плазмы. Раскинув конечности, она тормозила как могла. Земля приближалась. Скорость снизилась до четырёхсот километров в час. Скафандр серьёзно обгорел, система охлаждения едва справлялась. Удерживая «Ольгу» в центре визора, Астра неслась навстречу чер-

ноте. Минуту спустя, она влетела в лес, ломая ветви, пока, наконец, не треснулась в старый дуб. К тому времени сознание уже покинуло её, так что сам удар она не запомнила.

Первый раз Астра очнулась под вечер. Забрало было разбито, его крошки лежали на лице. Боли не было, но она догадывалась, что большинство костей сломано, и драконовский организм отчаянно борется за выживание. Подавление боли – главный признак тяжёлых повреждений и активной регенерации. Понимая, что сейчас ей ничего не светит, девочка уснула. В следующий раз она пришла в сознание ранним утром – в шлем задувал ветерок. Она попробовала поднять руки – не получилось, попыталась шевелить ногами – не вышло. Нашупав губами мундштук «поилки», утолила жажду и снова уснула.

На третий день Астра смогла пошевелить руками. Пальцы слушались плохо, но ей удалось снять шлем – тот откатился. Нашупав грудной клапан, стала расстёгивать его, но, утомившись, провалилась в сон. Скафандр она смогла снять только через два дня, когда в строй вернулись ноги. Словно бабочка, выползающая из куколки, она выбралась из развалин скафандра, чувствуя себя скорее червяком. Было больно. Видимо, блокада не могла длиться вечно. Оставшись в термобелье, Астра легла рядом со скафандром и вытащила из ранца ёмкость с водой и несколько батончиков аварийного питания. Начав есть батончик, по драконовскому обыкновению – с мясным вкусом, девочка отрубилась.

Проснувшись она от того, что кто-то лизал ей пальцы. Повернув голову, она увидела странную собаку – рыжую, с чёрными ногами, белой грудью и белым кончиком хвоста. Собака съела батончик, и теперь, похоже, пристраивалась, чтобы съесть Астру.

Девочка убрала руку, и собака испуганно отбежала. Тогда Астра распечатала ещё один батончик и показала собаке. Та осторожно приблизилась и, резко выхватив батончик, убежала в кусты.

«Странная собака», – подумала Астра и уснула. Той же ночью, при свете звёзд, на неё напал дикий жор, и она смолотила оставшиеся батончики, запив их остатками воды, а потом ей захотелось в туалет, и это было целое приключение, потому что если лежать, то не больно, а если двигаться, то наоборот. Совершив подвиг во имя собственного выживания, Астра уснула на старом месте.

Судя по часам, она провела под дубом неделю. Теперь, когда зажили переломы, она снова могла ходить. Раз за ней до сих пор не пришли, значит, и не искали. «Ольга» была безлюдна, как и предполагалось. Пятьдесят лет назад, во время Первой хеленмарской, когда дождь из термоядерных боеголовок устремился на Москву, лишь трём из них удалось прорваться сквозь заградительный огонь. Места их подрыва называли «Ольга», «Мария» и «Ирина». Изначально «Ольга» была шестидесяти километров в диаметре, но по мере того, как дезактивировали местность, её диаметр уменьшился до пятнадцати. Судя по рыжей собаке, уровень радиации упал настолько, что теперь здесь жили звери.

Астра проверила, как там Графен – судя по сигналу с импланта, её конфидент был жив. Больше информации она получить не могла, потому что имплант в голове Графена получился неполноценным. Если бы тогда ей удалось влить в его горло больше наноботов, то имплант развернулся бы полностью, обеспечив её инструментами управления и контроля, но в процессе Графену удалось вырваться из её объятий, а попавших в него наномашин хватило лишь на самый простой инструмент обратной связи – электрошок.

Девочка достала из кармана скафандра мультиинструмент и, переключив его в режим сапёрной лопатки, стала копать могилу. На это ушёл ещё день, но, в конце концов, ей удалось похоронить скафандр под метровым слоем грунта. Она слышала, что в старину диверсантам точно так же приходилось закапывать парашют. Часть скафандра она распилила и скормила

встроенному в её тело нанофабрикатору. Как результат – у неё появился синий спортивный костюм, сшитый по современной человеческой моде, с тремя белыми полосками на руках и ногах, а также пара красных мокасин и розовая панамка. Переодевшись в обновки, она стала выглядеть как обычная сельская девочка, зашедшая на запретную территорию, чтобы собрать радиоактивных грибов. Стоило сделать ещё и куртку, потому что летние ночи оказались прохладными, но её нанофабрикатор был компактным, так что производство всяких полезностей занимало много времени. Из тонких ветвей Астра сплела корзинку. Это показалось ей весьма аутентичным. Последние пару дней она перешла целиком на грибную диету, и если некоторые грибы были ещё ничего, то от красных в белую крапинку её очень не по-доброму тарашило. Девочка-дракон сожалела, что плохо изучила биосферу Земли перед побегом. Возможно, не всё из того, что она ела, действительно стоило есть. Но теперь, когда она восстановилась, пришло время отправляться в Москву – на встречу с Графеном. Съев вкусные грибы и наложив полную корзину тех, что похуже – в основном, неприятно красных – она двинулась навстречу судьбе.

Странная рыжая собака, которая несколько раз приходила к её ночёвке в надежде разжиться мясным батончиком, с безопасного расстояния наблюдала за тем, как девочка-дракон уходит с её охотничьей территории.

Если спросить Астру, каким был самый сильный соблазн в её жизни, то она без сомнений ответила бы – съесть рыжую собаку.

Неделя после посадки выдалась насыщенной. В конце Графен всё-таки «перепутал педали», и манта проделала в зоне «Мария» отличную просеку. Лес горел – его тушили. Впоследствии в пресс-релизах Министерства это назовут «героическим приземлением» – будто только так и надо сажать летательные аппараты. К чести манти стоило сказать, что прокатившись через лес – благодаря сферическому защитному полю – она ничуть не пострадала.

Первыми к манте прибыли военные контрразведчики и тут же взяли Графена под белые ручки, чтоб отвезти на одну из своих тайных баз ради допроса, который грозил затянуться на несколько лет – такой у них был стиль работы.

Но им на беду следом прибыл Папа Гендо, причём не сам-друг, а конно и оружно – контры оказались в меньшинстве, когда из подлетевших «фалькатусов» стали высаживаться бойцы спецназа ФСБ. Папа Гендо сказал, что забирает своего подчинённого, и Графена пришлось отдать по-доброму. В качестве выкупа контрам оставили манту. Прямо оттуда Александра, минуя формальные процедуры вроде месячного карантина, отвезли на допрос с пристрастием – в один из лучших пабов столицы, где под пиво он в подробностях рассказал своему спасителю ту историю, что они придумали с Астрой. Папа Гендо не был особо дотошен, так как уже знал о взрыве базы и орбитальном бое.

В федеральных СМИ дали срочный репортаж, породивший ещё одну легенду о Графене – первом человеке, который справился с управлением хеленмарского военного корабля и даже победил три корабля, находившихся на орбите. Графена опять объявили всенародным героем, а бой признали самым ярким за всё время русско-хеленмарского противостояния – по версии журнала «Военное обозрение». Было очевидно, что Графену дадут государственную награду, и, может, даже не одну.

Чуть позже вышел второй репортаж, где уже фигурировала схватка один на один с пудледемоном, и информационное пространство взорвалось снова – обсуждали только это.

Официальный Хеленмар не мог не среагировать. Драконы объявили, что всё это враки, потому что ни один человек не может быть настолько хорош, чтобы победить пудледемона в рукопашной, не говоря уже об управлении мантой. Хеленмарские блогеры склонялись к тому, что это заговор внутри драконьей элиты, чтобы пошатнуть партию военных перед очередными

выборами. И пудледемона подсунули больного, и манти похуже, и вообще это многоходовочка Отца драконов Хаяо Кодзимы.

Дни проходили под знаком бесконечных встреч с силовиками, политиками и журналистами. Пару раз Графена возили к манти, где он рассказывал, как ей управлять – пилоты-испытатели и учёные из секретных КБ слушали с восхищением и недоверием, особенно когда он показал, как раскачивать ядро, одновременно управляя формой силового поля и вектором тяги. Контрразведчики уже запустили щупальца в компьютерные мозги корабля, но записи о последних неделях отсутствовали. По легенде, составленной Астрой, ведение бортовых журналов отключили сами драконы, когда готовили операцию по захвату базы.

Лишь поздно вечером Графен попадал домой, к семье, где, лёжа в постели рядом с Марфой, он подолгу не мог уснуть, раз за разом убеждая себя, что кошмар позади, потому что девочка-дракон наверняка погибла, а значит, никто не узнает правды и его честь будет спасена. К концу второй недели он убедил себя, что Астра сгорела в атмосфере, а то, что от неё осталось, покоится в неприметном кратере на территории «Ольги». Когда он представлял это в подробностях, то быстро успокаивался и с улыбкой засыпал. Плечо заживало, жизнь налаживалась.

И это было хорошо.

К нему часто подходили на улице, чтобы попросить автограф – благодаря своему росту и фигуре, Графен был заметным и узнаваемым. Вот и сейчас, когда он, припарковав машину недалеко от Министерства, направлялся к проходной, ему наперерез кинулась девочка лет десяти – он невольно вздрогнул, но тут же заметил, что, в отличие от Астры, – царство ей небесное! – эта была шатенка, в модной одежде и солнечных очках на поллица. Девочка сунула Графену его голографический портрет и попросила писклявым голосом:

– Александр Тимофеевич, подпишите, пожалуйста!

И фломастер ему дала – какая умница! Он решил написать что-нибудь приятное, личное.

– Как тебя зовут? – спросил он, тепло улыбаясь.

– Я Астра, забыл уже, что ли? – отозвалась девочка, так же лучась в ответ.

Внутри Графена всё опустилось и похолодело. Он почувствовал, как дверь в прекрасное далёко захлопывается перед ним.

Девочка сняла очки, у неё было незнакомое лицо, но оно опало как морок, и под фальшивой личиной оказалось лицо Астры Нейзильбер.

– Думал, я про тебя забыла, Графен? – радостно спросила девочка-дракон. – А вот и нет.

Тем утром Астра быстро отпустила его на службу, и весь день был наполнен мучительным страхом – если правда откроется, его наверняка лишат званий и наград, и многие от него отвернутся. Причём первым, кто призовет его к ответу, будет директор ФСБ Павел Павлович Гендовский – его начальник. За сотрудничество с врагом Папа Гендо лично спустит с Графена шкуру, не посмотрит, что они знакомы с семи лет и вместе воевали. Возможно, даже собственные сыновья устыдятся отца-предателя, а Марфа уж точно осудит его публично и покается принародно. Чувствуя себя загнанным зверем, Александр боялся вечера, потому что после службы его встретит Астра, и у них состоится разговор о том, что дальше... Но Графен был героем, а не просто им назывался. Поэтому он собрал всё своё мужество в кулак и, выйдя вечером из Министерства, сел в машину и полетел по адресу, который назвала Астра.

Она села в машину, и он затемнил окна – с автопилотом это разрешалось. Графен думал, не напасть ли на неё сейчас. Пусть она и дракон, но у неё нет глаз на затылке и, скорее всего, она не читает мысли... или читает? Он не знал. Но всегда оставался имплант-электрошок в его голове – она пользовалась им очень быстро.

Встретившись глазами, Астра покачала головой:

– Не смотри на меня так, будто хочешь убить. Я спасла тебе жизнь и сделала героем дня, если не недели.

Графен вздрогнул от того, как легко она прочла его намерения.

– Ты спасла меня, но ты же меня и погубишь, – ответил он. – Если Папа Гендо узнает, я покойник.

– Я тоже, Графен, – возразила дракон. – Или думаешь, они оставят меня в живых? Палач Гендовский не знает пощады к драконам... Правда, про тебя я слышала то же самое, а ты вполне себе добрячок.

Александр отвернулся.

– Как дела, Графен?

– Не твоё дело.

– Как рана? Ещё болит?

– Пока не спросила, не болела.

– Я смотрела новости. Там была трёхмерная реконструкция твоего боя с пудледемоном. Такой ужасной анимации я даже в учебных работах не видела, а они показали её по Первому федеральному. Небошь, ещё и кучу денег отвалили... Жуть!

Графен не ответил, только нахмурился.

– Не хочешь узнать, как у меня дела? – спросила девочка.

– Не особо.

– Вот и зря! – обиженным голосом ответила Астри и тоже отвернулась, надув щёки.

Они так сидели несколько минут.

– Ну и как у тебя дела? – наконец спросил Графен.

– Лучше всех! – радостно выпалила Астри. – Я просто в восторге. Тут так здорово. Это небо, воздух, погода, деревья, трава просто восхитительны. Вам, людям, повезло жить на Земле. Я первую неделю, как разбилась, на голой земле валялась и не умерла. Было тепло и мягко. Воздух пригоден к дыханию. И он бесплатный. С неба задаром питьевая вода льётся. Кругом всё съедобное. Даже эти красные грибы в крапинку. Просто надо привыкнуть. А ещё! Я видела настоящую лису. Представляешь? Не какую-нибудь девочку-лисичку, а дикую лису. Я даже её покормила. И она меня не съела, и я её тоже. Разве это не здорово, когда никто никого не ест? А потом я вышла к людям и сразу стала богатой, ничего не делая. Я просто в раю каком-то. И клубничное эскимо – ты его пробовал? Оно вкуснее всего на свете – даже шоколадного эскимо, даже крем-брюле.

– Погоди-погоди, – прервал её Александр. – Что значит «сразу стала богатая»? Ты ограбила кого-то?

– Зачем? – удивилась дракон. – Люди сами всё дают. Я сначала растерялась, когда по улицам пошла, а потом увидела как у метро ваша молодёжь кланчит деньги у прохожих – ходят такие с табличками, типа украли документы и деньги, подайте кто сколько может на билеты домой. Я сначала тоже так стала делать – деньги пошли, но потом увидела попрошаек-инвалидов и удивилась – у нас таких нет совсем, их тут же в биореактор отправляют, а здесь им прохожие деньги суют. И меня как током ударило – вот оно, золотое дно. Села на «магнитку» до Нижнего Новгорода, пошла по вагонам. Смотри и учись!

Повернувшись к Графену, Астри изогнула руки и ноги под немыслимыми углами, лицо изменилось до неузнаваемости – теперь это было лицо глубоко больного ребёнка с пороками рождения, даже волосы стали другими – сальными и спутанными. Едва шевеля губами, уродливое существо жалостным голосом запричитало:

– Подайте Христа ради, кто сколько сможет. Дай Бог здоровья вам и вашим детям. Не оставьте несчастную калеку. Сама я из семьи горняков Реясильвии с Весты. Родителей моих убили драконы, а меня саму пытали, покалечили и оставили умирать в куполе без кислорода. Русский спецназ успел меня спасти, но я на всю жизнь осталась инвалидом. Кто не верит, вот

посмотрите – справки из Марсианского военного госпиталя. Все документы покажу. Поверьте мне – я вас не обманываю. Прошу, люди добрые, Христом Богом вас умоляю, помогите хоть копеечкой, хоть хлебушка кусочком, ради Русского мира... Дай Бог счастья вам и вашим детям.

– Прекрати немедленно! – рявкнул Графен, его трясло от злобы и отвращения. Астра тут же вернулась к своему обычному виду – руки и ноги приняли нормальное положение, а лицо стало по-детски миловидным. Даже волосы снова стали густыми, чистыми и модно уложенными.

– Как ты это делаешь с руками и ногами?

– Синдром Элерса-Данлоса. Гипермобильность суставов, – пояснила дракон. – У моего поколения эта способность идёт по базе. Очень полезно, чтобы пролезать в узких местах или в бою, например.

– А лицо?

– Голография. Я и тебе такую штуку дам, чтобы ты мог внешность быстро менять.

– Мне не надо.

– Сейчас не надо – завтра пригодится.

– Вот так ты разбогатела?

– Нет, конечно. Так быстро я не смогла бы. Люди тоже ведь не дураки. Я каждую поездку новый образ использовала, чтобы никто не поймал на одном и том же. Но, честно говоря, не успела я сделать и пары рейсов, как меня взяли в оборот.

– Кто взял?

– Какие-то неприятно пахнущие люди с загорелой до черноты кожей. Они сказали, что я теперь их собственность и буду отдавать им все деньги, что заработаю, а не то они будут меня очень сильно бить и, может, даже убьют. У них были ножи и дубинки, а у одного пистолет. Они отвезли меня в частный дом, где были другие инвалиды-попрошайки. Там их действительно били, а ещё там торговали наркотиками и порнографией, причём такой, где среди актёров были дети. Интересное место. Не думала, что у вас есть такие предприниматели. У нас-то таких загорелых и ароматных очень быстро отправили бы в биореактор и переработали на полимеры. Интересно, куда смотрят ваши силы правопорядка? Заметное же место. Особенно теперь.

Графена посетило тревожное предчувствие:

– Что ты там устроила?

– О, я устроила платный бизнес-тренинг для моих новых загорелых друзей, в результате которого они теперь уже сами могут собирать милостыню по электричкам, и никому в голову не придёт им не поверить – всё же на виду.

– Ты кого-то убила?

– Нет, зачем? Я же не герой вроде тебя, Графен, и не хочу делать работу за вашу полицию. Я просто провела платный тренинг, и они заплатили мне столько, сколько я попросила. Был ещё вариант поехать к их главному – они называли его бароном, и я думаю, что стала бы ещё богаче, если бы поехала, но я вспомнила, что у меня есть ты, и ты наверняка по мне скачаешь, так что я не стала развивать события в этом направлении и становиться главной среди загорелых людей, а просто ушла. К тому же в здании начинался пожар, а я не люблю пожары – от них кашель.

– Инвалиды, – прорычал Графен, придвинувшись к Астре. – Они погибли?

– Ой, ну как они погибнут? Они же главный источник заработка для загорелых людей. Они их эвакуировали, – оправдалась Астра. – Я даже им немного денег вернула, так как чувствовала вину, что бизнес-тренинг оказался короче, чем я планировала. Просто у меня такой зажигательный темперамент. И я не люблю, когда в меня стреляют.

Графен застонал, закрыв лицо ладонями. Случилось то, чего он опасался – Астра влипла в историю.

– Не думай, я не дура и не пользовалась своим настоящим лицом или голосом. Даже фигуру, рост и походку меняла всякий раз.

– Тебе не стыдно за то, что ты сделала?

– Это были плохие люди, а у плохих людей деньги отбирать не зазорно.

Астра распахнула свою сумочку и достала толстенную пачку вишнёвых пятисоток. Некоторые купюры были в пятнах крови. Тут был полугодовой доход Александра, а ведь Графен не бедствовал.

Она выбрала бумажку почище и протянула Графену:

– Что тут изображено?

Он посмотрел на купюру, и ему стало досадно.

– Даже не спрашивай.

– Я видела эту штуку на горизонте. Она просто колоссальная, выше облаков. Я обязательно должна на неё залезть. Это типа храм, как у вас принято, да?

– Нет. Неважно, – отмахнулся Графен.

– Я не слышала, что в Москве есть что-то такое. Я узнаю, что это, раз ты не хочешь говорить. Если это нарисовано на самых крупных ваших купюрах, вы должны гордиться этой штукой.

– На самом деле – нет, – пробубнил Графен и задал главный вопрос: – Что дальше? Что тебе от меня надо?

– Ну, – Астра смущённо потупилась. – Ты мой конфидент. Мы... ну, вроде как семья?

Графен глумливо рассмеялся:

– Семья? Ты – чудовище. Дракон. Ты сделала меня своим рабом. Семья, говоришь?

Девочка смотрела на него потерянным взглядом, а потом по щекам её потекли слёзы. Беззвучно рыдая, она отвернулась, сжавшись в комок у автомобильной дверцы.

– Я не верю ничему, что от тебя исходит. Этим слезам – особенно.

Астра вытащила из своей сумки пятисотку и шумно высморкалась, а потом бросила на пол салона.

– Я сняла квартиру... – начала она сбивчиво, прерываясь на утирание слёз и сморкание в купюры. – Недалеко от твоей работы. Я ни в чём не нуждаюсь. Всё, что я хочу – это чтобы ты иногда меня навещал. У меня тут больше никого нет.

– Ты же понимаешь, что я бы с удовольствием тебя убил? Или сдал начальству. Почему бы тебе не оставить меня в покое и не завести себе других друзей?

– Я понимаю. И ценю твою честность... Если я заведу тут друзей, мне придётся врать им о себе. Это не настоящая дружба. Это ложь. Я могу быть откровенна только с тобой, потому что ты знаешь, кто я. И ты можешь быть откровенен со мной, потому что тебе не нужно передо мной что-то из себя строить – я дракон. Что бы ты ни сделал, это не впечатлит меня. Вот ни капельки, потому что я лучше тебя во всём. Но я пойму тебя и поддержу, потому что у нас теперь одна общая ложь на двоих. И если мы будем сильны, умны и трудолюбивы, то многого добьёмся. Я обещаю. В человеческом обществе многие вещи вообще проще. Easy mode.

– Чувствуешь себя как лиса в курятнике?

– Скорее как образованный взрослый в школе для умственно отсталых.

– Надменная, как все драконы, – пробормотал Александр.

– Я? Ничуть. Я добрая и отзывчивая. Дать тебе денег, Графен? – Астра примирительно протянула ему половину пачки.

– Дай мне свободу, – резко ответил он.

Астра ехидно ухмыльнулась:

– Даже не думай, что я убью Марфу. Сам женился – сам себя освобождай.

– Только к семье моей не лезь! – зарычал Графен угрожающе.

– Я теперь твоя семья, – невозмутимо ответила дракон. – А сейчас вези меня на квартиру и отправляйся домой, пока Марфа не хватилась.

Графен ввёл адрес, который назвала Астри, и машина мягко взмыла в вечернее небо.

Александр чувствовал себя неверным мужем. Предателем Родины. Жалким хеленмарским холуём и драконьим прихвостнем, то есть всем тем, что презирал. Прошло две недели после их «счастливого воссоединения», как назвала это погибельное событие Астри. Сегодня он ушёл со службы пораньше, а вечером скажет, что задержался на работе.

Астри дала ему уродливые очки в чёрной оправе. Стоило надеть их, как они проецировали новое лицо поверх старого. Каждый раз это было немного другое лицо, но фальшивые лица роднили две детали – ужасная залысина и огромный нос картошкой. Очки как-то взаимодействовали с мозгом, поэтому у Графена менялась осанка и походка. Он горбился, выпячивал живот и шёл враскорячку. Астри говорила, что такая маскировка необходима, потому что Графена знала вся Россия. Если он будет ходить к ней в гости таким, какой есть, их быстро раскроют...

Ходить к Астри ему не хотелось, но, во-первых, она всякий раз канючила, чтобы он пришёл, а во-вторых, Графен подозревал, что она как-то контролировала его желания через имплант, потому что от мысли, что он снова её увидит, Графену становилось по-извращённому приятно. Это не имело сексуального подтекста – Александр не питал влечения к её подростковому телу, ещё не начавшему превращение в женщину, да так навсегда и оставшемуся детским. Физически, Астри была высокой, атлетически сложенной девочкой. Плотненькой, как хорошо кушающий, но очень спортивный ребёнок...

Беда была в том, что дракон пробуждала в Графене те плохие черты, от которых его в течение долгих лет брака отучила Марфа. Ему было тревожно возвращаться к привычкам молодости, когда он не думал о том, что подумают люди, а жил своей жизнью и делал, что хотел – без всякой ответственности. Ребячество, несерьёзность, инфантилизм – так это называла Марфа. Годами она лепила из него настоящего мужчину, ролевою моделью для подрастающего поколения. Марфа гордилась получившимся результатом, и Графену это льстило. Он был счастлив считать себя достойным её скупой и строгой похвалы – верным мужем, заботливым отцом, умелым и чутким любовником... Единственное, чем была вечно недовольна Марфа, это его карьера. В свои тридцать семь Александр всё ещё был полковником и не рвался в генералы, хотя Папа Гендо намекал, что «Папа может». Не любил Графен ни политику, ни публичность. А любил воевать и убивать драконов. Эта единственная отдушина, пока не прикрытая заботливой женой, хоть как-то грела душу... Но тут в его судьбе появляется Астри, и всё коту под хвост!

Поднявшись на гравитационном лифте, Графен уже собирался открыть дверь, как за спиной кто-то образовался – Александр почувствовал движение воздуха и заметил игру теней, но двери других квартир не открывались. Стремительно развернувшись, Графен увидел перед собой бабушку – божий одуванчик.

Та аж подпрыгнула:

– Что ты пугаешь, дурак? У меня сердце слабое. Смерти моей хочешь?

– Для начала, здравствуйте. Вы кто будете? – спросил Графен.

– Я тётя Варвара, соседка вашей дочки Астрочки. Председатель домоуправления, чтобы вы знали.

За спиной «тёти Варвары» зияла открытая дверь в противоположную квартиру. У двери была антигравитационная подвеска – это объясняло, почему она была быстра и беззвучна, как снайперская винтовка.

– Очень приятно! – буркнул Графен. – Чем могу помочь?

– Вам, Валентин, очень повезло с дочерью. Мне непросто угодить – я человек старого воспитания, была медсестрой в Первую хеленмарскую, и умею воспитывать детей, так что скажу прямо – такой чудесной девочки я ещё не видела. Приветливая, обходительная. По хозяйству мне помогает. Я её даже с внуками оставляю, когда по делам отхожу. Я Астрочку в домоуправление уже определила – она теперь за помощь пенсионерам отвечает. Золотая у вас дочь. Депутатом вырастет, не меньше. Я знаю, сама сына-депутата вырастила. Теперь фабрикой владеет. Но вот вы скажите, почему дочку так редко навещаете?

Графен начал думать, что бы соврать, но оказалось, ответа не требовалось.

– Я, конечно, понимаю, супруга ваша умерла – сочувствую сердечно, да и работаете на трёх работах, чтобы дочке достойную жизнь обеспечить, ей ведь в сентябре в пятый класс, но можно было бы и почаще к ней приходиться, а то она, бедняжка, скучает – только о вас и говорит!

Графен опять хотел что-то вставить, как управдом продолжила:

– Но вы не волнуйтесь. Я её в обиду не дам. Кормлю её домашним – ест она хорошо, как парень. Красавица вырастет, в теле будет. Как я, когда молодая была, но тогда тяжёлые годы были – Первая хеленмарская. Мы из «Ольги» на руках людей выносили, из огня и радиации, кого могли, прямо на месте чинили – у меня до сих пор полевая медицинская машинка на ковре висит, хоть сейчас иди людей штопать.

Александр понял, что попал – мозг лихорадочно искал выход из западни, но тут за спиной открылась спасительная дверь, откуда в розовой пижаме с узором из белых зайчиков выпорхнула дочурка Астрочка. Схватив папу за галстук, она притянула его лицо к своему и чмокнула его в обе щёки, потом повернула свою румяную щёку так, чтобы он чмокнул в ответ. И он чмокнул.

Тогда она метнулась к старушке и, обняв её мягко, но крепко, развернула.

– Тётя Варвара, вы же так простудитесь, в лёгком платье одном, а тут сквозняк. Я к вам ещё зайду, с папой только пообщаюсь. Вы не переживайте, я обо всём договорюсь.

Было чудно видеть, как легко девочка-дракон взяла управдома в оборот, хотя та сама могла взять в оборот кого угодно.

Сочась обволакивающей заботой, Астра довела соседку до её двери, что-то лепеча и прижимаясь к той всем телом. Тётя Варвара сомлела и дала себя увести. Через минуту Астра вышла из квартиры соседки и прикрыла дверь.

Потом схватила Графена за руку и утянула в свою съёмную квартиру. Там она отобрала у него пакет с продуктами и уже хотела в нем рыться, как обычно делала, но наверху лежало любимое клубничное эскимо, так что она схватила сразу три штуки и кинулась к дивану, чтобы приступить к вдумчивому поеданию. Квартира была однокомнатной – старинная «студия» пять на семь метров. Взяв пакет, Графен прошёл к холодильнику и достал банку «Космодесантского крепкого». С голографической этикетки смотрел он сам – играя мускулами, нарисованный Графен что-то говорил. Нажав на изображение, можно было услышать его голос «После жарких боёв в космосе я люблю пропустить с друзьями по баночке «Космодесантского крепкого». Оно крепкое, как я сам. Попробуй его, и почувствуешь вкус победы на губах». Далее женский голос скороговоркой рассказывал про вред алкоголя для беременных и прочую лабуду.

Марфа была категорически против того, чтобы образ мужа использовали для рекламы пива, потому что это пошатнёт его образ идеального мужчины, но Папа Гендо уговорил её – он был одним из владельцев завода, производившего «Космодесантское крепкое», так что они с Марфой сторговались на процентах с продаж. Пиво, кстати, было отменным – Папа Гендо, как пивной энтузиаст, следил, чтобы качество не падало. Имидж Графена не пострадал, даже напротив – он стал ещё ближе к народу...

Открыв банку, Александр осушил её одним махом.

– Ээээ! – протестующе начала дракон. – А если тебя Марфа запалит?

– Для меня одна банка как слону дробина, – отмахнулся Графен, но в её словах был резон – нюх у Марфы был, как у пудледемона, так что он добавил: – Скажу, что Папа Гендо меня остаканил. Она против потомственного директора ФСБ не пойдёт.

Девочка-дракон отложила мороженое и требовательно протянула руку, сжимая и разжимая пальцы.

– Тебе нельзя, ты ж ребёнок.

– Ты не мой настоящий папа.

– Хочешь стать алко-Лолитой?

– Mind your own business so des ne? – огрызнулась она по-хеленмарски, и он метнул в неё банку. Астра выхватила её из воздуха – легко и изящно, словно та не летела с энергией выстрела из подствольного гранатомёта. Когда девочка открыла банку, хлестнула тугая пенная струя, и пиво полилось на пол.

– Фу! – поморщилась Астра, на которую, кстати, не попало, потому что она успела отскочить.

Из-за дивана вынырнул робот-пылесос и стал жадно всасывать лужу, пока не вытер пол досуха. Тогда он зарулил обратно под диван, где и затаился.

Отпив из банки, Астра скривилась:

– И это ты называешь «вкус победы»? Больше похоже на «горечь поражения»!

– Это хмелевая горечь. Ты ничего не понимаешь в пиве, – буркнул Графен и, достав из пакета объёмистый сверток, плюхнулся на край дивана – подальше от Астры. На стене висел огромный монитор – Астра обычно играла на нём в свои «леталки», – она оказалась фанатом космических симуляторов и часто в них зависала, но сейчас монитор был в режиме телевизора и показывал «Голос Хеленмара». На экране якобы житель Калининграда рассказывал, как хорошо и свободно жилось при драконах, но потом опять пришли русские оккупанты и отняли его свободы.

– И триста сортов колбасы из человечины, – рявкнул Графен. – Выключи это дерьмо. Мы его блочим на всех частотах. Откуда ты его берёшь?

– С хеленмарского спутника, – пожалала плечами дракон. – А ты хочешь, чтобы я смотрела вашу пропаганду? Лучше буду вот это смотреть. Так привычней. Сейчас, погоди, зарядят про то, как голодает и мёрзнет Россия, пока москвичи жируют.

И действительно – репортаж перешёл к теме нищей русской глубинки. По раскатанной дорожной грязи полз ржавый бульдозер, в кабине которого тракторист грел руки над ведром с горячей соляной. Стёкла были выбиты, а окна забраны решёткой. За бульдозером бежала стайка голодных детей, закутанных в обрывки теплоизоляции. Тракторист плакал оттого, что у него не было хлеба, чтобы им кинуть. Мёртвые поля раскинулись до горизонта. Внизу экрана горела надпись «NO COMMENTS».

– Я же говорила. Эта песня будет звучать вечно, – оскалилась девочка. – Потом они свернут на коррупцию столичных чиновников, затем на крах науки и засилье попов во власти. Продолжат тем, что «Энцелад наш» надо вернуть Сатурнианской Орбитальной Державности Обновлённого Мирустройства, иначе Хеленмар не снимет санкционную блокаду Весты.

Александр вздохнул и, найдя на диване палочку пульта, произнёс команду отключения. Экран погас.

Отведя взгляд, Астра наконец заметила его свёрток. Глаза её расширились от удивления:

– Графен, что это?

– Макрошаверма.

– Почему такая огромная?

– Потому что жизнь – дерьмо редкостное. Приходится заедать чем-то, сопоставимым по масштабу.

– Что случилось? – напряглась Астра.

– Ты, – ответил Александр.

Девочка раздражённо закатила глаза:

– Я серьёзно.

– Папа Гендо говорит, контры взяли за меня серьёзно. Ему стоит больших хлопот меня защищать. Он боится, что они решатся на похищение – уташат меня на один из своих секретных объектов и устроят полное ментальное сканирование, от которого мои мозги превратятся в форшмак.

– Что им надо? Ты ж герой, убийца пудледемонов и угонщик мант.

– В том и беда. Они обследовали манту и нашли в её памяти огромный закодированный файл, который им не удаётся стереть. Скопировать можно, стереть нельзя. Ещё у манты заблокирован механизм самоуничтожения – её нельзя взорвать, понимаешь?

– Погоди-погоди, – поморщилась Астра. – А зачем им что-то стирать из памяти манты? И зачем им её взрывать? Ваша военная контрразведка – она вообще на кого работает?

– Официально – на Российскую Федерацию, но в реальности – на Баронессу Харконнен.

– На госпожу президента?

– Да. Суоми-красавица, как главнокомандующий, рулит контрой, а контра вечно огрызается на ФСБ и Министерство. Этому противостоянию уже лет шестьдесят. С того раза, как либералы пришли во власть перед Первой хеленмарской. На Земле у контры позиции слабее, чем в космосе – это меня пока и спасает. У них ко мне вопросы. Возможно, они уже знают про тебя или узнают в ближайшее время.

– Это и вправду нервирует! Позже обдумаю, а пока надо зажевать, – девочка-дракон в одно движение оказалась рядом и, выхватив макрошаверму, стала жрать, по-звериному порывчивая и мотая головой.

Графен сходил к пакету и принёс ещё одну. Ему захотелось прихватить пива – вспомнить молодость, но он поборол соблазн. Хватит и того, что он съест вредную пищу. Марфа готовила ему по специальной диете – для мужчин под сорок, у которых с возрастом снижается тестостерон и поэтому они склонны к набору веса. У Графена тестостерон был как у юноши – он регулярно делал анализ крови, но Марфу не переспоришь – овощи, куриная грудка и рыба на пару, свежая зелень, никакого кофе и алкоголя... А шаурма была отменной, в красном марсианском лаваше, как он любил.

Доев свою, Астра буквально стекла на пол и лежала, раскинув руки и ноги.

– Я объелась, – жалобно простонала девочка.

– Как ты это делаешь? – спросил Графен.

– Двигаю диафрагмой так, чтобы больше влезало. Не поверишь, но через час я смогу съесть вторую.

– Я не про это, – отмахнулся Александр. – Общеизвестно, что драконы – социофобы и психопаты. Убийцы-людоеды. Как минимум, мизантропы, по типу того же Хаяо Кодзимы, вашего создателя.

– Ну да. И чего?

– Как ты вообще можешь общаться с той же соседкой?

– Это непросто, – Астра хитро улыбнулась. – Скажу по секрету, её весь дом терпеть не может, но многие её боятся, потому что у неё завязки с коммунальщиками и участковым. Она может создать проблему на ровном месте, и с удовольствием это сделает при первой же моей оплошности, так что я действую на опережение. Не можешь победить – возглавь. Я заранее купирую её недовольство, просчитывая игру на много шагов вперёд.

– Драконы так не умеют. Дракон бы её убил. Что ты за дракон такой?

– Специальный, – лукаво ответила девочка.

– Таких как ты много?

– Мало и становится ещё меньше, – погрустнула Астра. – Хеленмарские бонзы передумали нас выпускать, и теперь избавляются от тех, что успели произвести.

– Почему?

– Потому что они хотели драконов, которые социальны, но мы слишком хорошо умеем договариваться, особенно с людьми. На нашем фоне обычные драконы-социопаты смотрятся бледно, а ведь отказ от человечности в постгуманизме поставлен во главу угла. Поэтому человеческие драконы не вписываются в эту систему, особенно, если они успешней, чем драконы обычные.

– Скажи, тебе нравится обманывать людей?

– Мне доставляет удовольствие всё, чем я тут занимаюсь. Но я не просто манипулирую. Мне нравится, когда меня ценят, поэтому я тоже стремлюсь быть полезной. В этом суть договорённостей. Я выигрываю больше других, потому что хорошо играю, но все стороны должны в итоге выиграть. Это игра с общим положительным результатом.

– Именно поэтому ты взорвала ту базу, когда мы взлетели?

– Ты прав. В моей игре выигрывают все стороны, кроме Хеленмара.

– За что ты так ненавидишь свою родину?

– Не спрашивай.

– И как ты будешь бороться с Хеленмаром?

– Ну уж точно не на поле боя. Я ведь не боец, если ты не заметил. Я заперта в теле ребёнка. Таким, как я, предназначалась роль командиров. Неотеническое командование – так нас называли. Бессмертные дети-командиры, способные брать под прямой контроль солдат противника – посредством внедрения имплантов. А лучше вражеских командиров, конечно.

– Ты уже в кого-то тут внедрилась кроме меня?

– Нет, – ответила Астра после заминки. – Я могу контролировать ограниченное число людей одновременно, к тому же производство наноботов для имплантов занимает продолжительное время. Так что никого я не контролирую. Да и выгодней сейчас использовать прикладную психологию и социальную инженерию, чем прямое управление – лучше я заболтаю человека, и он сделает, что мне нужно.

– Я погляжу, ты в себе уверена сверх меры, – усмехнулся Графен, и Астра, вдруг вскочив с пола, посмотрела на него сердито.

– Всё, что меня останавливает, так это детское тело. Была бы взрослой драконкой – ух! – половиной Москвы бы уже управляла!

– Почему только половиной?

– Потому что второй половиной крутит твоя жена Марфа. Она везде – в телеке, в журналах, в блогах. Встречи, интервью, статьи, публичные заявления. Она имеет мнение по всем вопросам, включая политику, экономику и религию. Тяжко трудится, пытаюсь выжать всё по максимуму из твоей известности... потому что ты простак и не смог превратить блестящую военную карьеру в политическую.

– Я офицер и выше мелких политических дрызг. Я защитник Родины.

– И почему все российские офицеры так аполитичны? Ты прямо как этот ваш... Адмирал Колчак. Максимум, на что вас хватает – военная диктатура.

– Но у меня есть политическая жизнь, – возразил Графен.

– Разве это жизнь? Да, ты даёшь интервью, возносишь цветы на могилы людей, что были не так удачливы как ты и дали себя убить. Читаешь лекции на высших офицерских курсах. Ведёшь военно-патриотический блог... Но это не делает тебя самостоятельной политической фигурой. Потому что ты не фигура – по характеру. Ты подставка под фигуру. И на эту подставку пытается встать твоя жена. Потому что она фигура. Народ любит тебя. А значит они полюбят и её... Хотя она ни разу не рисковала собой в бою. Не убила ни одного дракона. Она просто жена героя-молчуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.